

Миллионер
для Золушки

Дмитриева Марина

Марина Дмитриева

Миллионер для Золушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69027283

SelfPub; 2023

Аннотация

Если тебе повезло влюбиться в себя самого богатого из самых красивых мужчин города, нужно быть очень осторожной, счастье недолговечно, когда вокруг вьются недовольные родители, бывшие возлюбленные и завистливые родственники. Да и современные принцы не отличаются постоянством.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	74
Глава 6	87
Глава 7	98
Глава 8	109
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Марина Дмитриева

Миллионер для Золушки

Пролог

«Давным-давно жила-была одна счастливая семья: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили и баловали, холили и лелеяли. Много лет они жили беззаботно и радостно».

Так начиналась бы моя история, если бы ее писал Шарль Перро или какой-нибудь другой сказочник, но в реальности события складывались немного по-другому.

В одном небольшом провинциальном российском городке жила обычная среднестатистическая семья: папа, мама и дочка Даша. Мама была учительницей, папа – агрономом крупного сельскохозяйственного холдинга. Семью нельзя было назвать зажиточной, но в целом они не бедствовали. У них был добротный четырехкомнатный дом в частном секторе, машина, раз в два года семья Мельниковых даже могла себе позволить отдых на море. Папа с весны до осени, когда велись полевые работы, появлялся дома очень редко, зачастую только переночевать, и мама с дочкой были предоставлены сами себе. Конечно, они были очень близки и души не чаяли друг в друге.

Но однажды осенью в дом Мельниковых пришла беда. Когда мама возвращалась домой от подруги, ее сшибло, переломало, словно куклу, злое чудище в обличье черного БМВ какого-то богача из областного центра.

С этого дня жизнь обычной среднестатистической семьи кардинально поменялась. Отец стал беспросветно пить, в пьяном бреду совершенно забывая о единственной дочери, даже продукты не всегда покупал. А когда со смерти мамы прошло два года, папа, ко всему прочему, решил жениться.

Как водится, на злой колдунье, точнее, продавщице ближайшего магазина, куда Мельников постоянно таскался за выпивкой. Для нее – разведенки с двумя детьми, без своего жилья – отец нашей героини, несмотря на его пристрастие к горячительным напиткам и отсутствие постоянного заработка, представлял определенную ценность.

Надо сказать, мачеха даже не попыталась подружиться с девочкой...

Наоборот, как в сказке, сразу невзлюбила падчерицу. На бедную Дашу повесили самую грязную и тяжелую работу в доме: она готовила, мыла посуду, следила за огородом и немногочисленным хозяйством, поддерживала порядок в доме. Старалась как могла, но вместо благодарностей получала сплошные упреки и претензии.

Естественно, единственным желанием девушки было поскорее стать взрослой и уехать как можно дальше от таких «любящих» родственников. Даша была упорной и умной де-

вочкой, зубрила по ночам, хорошо сдала ЕГЭ, поступила на бюджет в университет и стала учительницей начальных классов, совсем как когда-то ее мама. Все детишки первого «В» класса гимназии номер семь Дарью Ивановну просто обожали, ловили каждое ее слово и ходили за ней маленькими преданными хвостиками.

А потом в один прекрасный весенний день судьба вознаградила Золушку (или еще сильнее наказала) встречей с прекрасным принцем – самым красивым из самых богатых мужчин по всей округе.

Надо сказать, сначала принц Даше совсем не понравился, показался слишком наглым, до ужаса циничным, развратным сукиным сыном. При первой встрече Игорь Богданов повел себя абсолютно не благородно, сразу же полез целоваться и даже руки начал распускать. Даша надавала ему пощечин, наговорила много злых слов и надеялась больше никогда не встречать на своем пути этого великолепного, прекрасно целующегося гада. Но гад проявил удивительную для высокородных особ настойчивость, раз за разом показываясь перед девичьими очами во всем своем принцевском великолепии. Поражал ее воображение красивыми поступками, вызывал улыбку своим прекрасным чувством юмора, сводил с ума головокружительными поцелуями. Конечно, Золушка не устояла, влюбилась до одури в этого великолепного повесу. Она всего лишь одинокая девчушка, вступившая в пору, когда сердцу и телу нужны любовные томления.

Игорь Богданов, самый красивый из самых богатых парней по всей округе, тоже ее полюбил. Во всяком случае, так казалось наивной девушке. Она тогда еще не понимала различий между искренними чувствами и банальным сексуальным азартом.

Как-то раз король, а в нашей сказке – руководитель агропромышленного холдинга «Родные просторы», по случаю тридцатипятилетия создания компании устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей области с женами и детьми. И хоть Золушка знатностью не отличалась, а ее батюшку Мельникова Ивана Федоровича давным-давно уволили из холдинга за пьянство и прогулы, принц и для нее раздобыл приглашение. Глупышка радовалась тогда. Значит, принц Игорь хочет представить ее своим родителям, значит, у них все серьезно и скоро она, надев белое платье невесты, станет госпожой Богдановой.

С такими радостными мыслями, летая в облаках своей влюбленности, собиралась Золушка на бал. К сожалению, феи-крестной среди Дашиных знакомых не было. Хозяйка комнаты, которую она снимала, конечно, искренне прониклась к девушке симпатией и даже два года совсем не повышала плату за предоставляемую дюймовочкину жилплощадь. Но Вера Ильинична была простая одинокая пенсионерка, превращать тыкву в карету не умела, а крыс, как и наша героиня, до ужаса боялась. Волшебная палочка на антресолях небольшой хрущевской квартиры не завалилась,

а шить красивые наряды Вера Ильинична не умела, разве что, в случае крайней необходимости, могла укоротить подол. Феей-крестной для Даши Мельниковой стала банковская карточка принца... Золушка, несмотря на настойчивые уговоры Игоря Богданова, долго не решалась ею пользоваться, но на праздничном балу ей хотелось соответствовать красавцу-принцу, выглядеть не оборванкой-нищенкой, не строгой серой мышкой – учительницей, а настоящей леди. Да чего греха таить, она мечтала, чтобы при ее появлении, так же как в сказке, поразившись неземной прелестью незнакомки, все придворные ахнули (выражаясь современным языком, офигели, выпали в осадок), а король с королевой империи «Родных просторов» посчитали ее, несмотря на полное отсутствие приданого, достойной своего красавца сына.

Золушка купила восхитительное длинное платье красиво-го сиренево-фиолетового цвета, простого покроя на тонких серебристых бретелях, которые переплетались сзади причудливым, притягивающим взгляд узором. Хрустальных туфелек в магазине не нашлось, пришлось довольствоваться красивыми лодочками из выкрашенной под серебро кожи. Они очень красиво гармонировали с бретелями платья. Этот наряд, в свете нищенского воспитания Даши Мельниковой, стоил целое состояние, хотя другие знатные господа безоговорочно отнесли бы его к среднему ценовому диапазону.

Еще феей-крестной немного поработала парикмахерша из соседнего двора, к которой иногда ходила Дашенька под-

стригать свои длинные густые волосы. Кристина, конечно, не была волшебницей и даже к стилистам имела весьма опосредованное отношение, но она тоже смогла сотворить маленькое чудо преображения. Кристина не стала сооружать на Дашиной голове какую-то немыслимую высокую прическу, просто, придав объем, подобрала серебристой заколкой пару прядей на затылке и уложила волосы каскадом небрежных локонов. Макияж, поскольку Золушка отправлялась на бал, сделала чуть гуще, выделила скулы и подкрасила губы яркой помадой. Отчего природная красота девичьего лица заиграла прекрасным ликом одновременно сказочной принцессы и женщины-вампа. Даша Мельникова после стараний Кристины стала не просто миленькой училкой, а настоящей красавицей. Хоть картины с нее пиши, точнее, фотографируй и помещай в женские журналы.

Вот так, всем миром, и собрали Золушку на бал. Вера Ильинична, напоследок перекрестив Дашеньку, даже прослезилась.

– Давай, девонька, срази всех наповал.

Золушка тоже едва не расплакалась. Она была очень эмоциональной и слезливой девочкой. Для нее, выросшей среди злобных придирок мачехи, простое человеческое участие казалось очень ценным и важным.

В качестве кареты выступило обычное такси, полноватый водитель которого добродушно балагурил всю дорогу и совсем не походил на крысу, разве что на откормленного, под-

росшего до человеческих размеров хомячка. Сам Игорь приехать не смог, был очень занят подготовкой праздника. Он, конечно, хотел послать за Золушкой одного из водителей холдинга «Родные просторы», чему Даша решительно воспротивилась. Ни в одной сказке принцесса не приезжала на бал в карете, посланной за ней принцем. Она самостоятельная, работающая девушка и вполне может позволить себе такси. Во всяком случае, раз в полгода.

Взволнованная и счастливая, поднималась наша героиня по ступенькам королевского замка. Все было почти как в сказке, празднование происходило в прекрасном ресторанном комплексе с белыми колоннами и огромными французскими окнами от пола до потолка. И хотя Дарья была взволнована, а местами даже испугана, что было заметно по чуть подрагивающим конечностям, она старалась идти с прямой спиной и горделиво расправленными плечиками. Придворные переглядывались, гадая: «Откуда взялась эта красавица? К чьей знатной семье принадлежит?» – и провожали ее заинтересованными любопытными взглядами.

Сердце испуганно билось в груди... Почему же красавец принц не идет ее встречать? Золушке так одиноко среди этих цепких оценивающих взглядов. В огромном зале ресторана, где происходило празднование юбилея холдинга «Родные просторы», было очень много приглашенных. Все были разодеты в красивую статусную одежду с дорогими украшениями и аксессуарами. Как тут не растеряться?! Она ведь скромная

девушка, которая не привыкла к таким большим сборищам и никогда не хотела привлекать к себе лишнее внимание.

Золушка искала глазами своего ненаглядного. Нашла... Он стоял в центре зала, в стильном светлом костюме с черными лацканами. Очень красивый, высокий, привлекающий к себе внимание всех женщин поблизости и вызывающий зависть большинства мужчин. А рядом с ним была... в сердце вонзился ядовитый отравленный шип... была настоящая принцесса. Златокудрая, горделивая, в сверкающем золотистом платье. Она держала принца за руку и мило ему улыбалась. На принцевских полных губах тоже играла чуть ленивая, но совершенно ослепительная улыбка.

Вокруг этой пары стояло царственное семейство: статный мужчина, в темные волосы которого уже пробралась седина, – глава холдинга «Родные просторы» и его жена – очень красивая, холеная женщина, выглядевшая благодаря доступности разных косметических процедур намного моложе своих лет. Издалека ее даже можно было принять за Игореву сестру, но Золушка однажды видела в журнале фотографию счастливого семейства Богдановых и знала, что у принца есть только младшая сестра Настя.

Игорь со златокудрой принцессой смотрелись так красиво, так гармонично, словно созданная друг для друга пара, две половинки одного целого. Бедная малютка Даша почувствовала себя совершенно потерянной, даже лишней. Кто она такая?! Безродная простушка, совершенно чуждая этому

миру богатых и успешных людей. Скромная училка, единственным достижением которой является красный диплом университета, а еще безоговорочная любовь тридцати детей первого «В» гимназии номер семь. Но все ее успехи, на которые она потратила там много стараний и душевных сил, слишком малы для такого сборища. Ни тебе шикарного, хотя бы захудалого, бутика во владениях, ни одной завалящей акции самого малюсенького предприятия. Ничего... Ни шикарных украшений (если не считать королевских сережек, подаренных принцем), ни знаковых аксессуаров. Только платье среднего ценового диапазона, да и то купленное на деньги принца. В сердце снова вонзился здоровенный, раздражающий грудь болью шип.

Возникло малодушное желание спрятаться или даже, роняя серебристые туфельки, убежать в надежде, что принц ее заметит, оставит эту ослепительную блондинку и бросится следом.

А если не бросится?!

Забегая вперед, скажем: этим вечером Золушке придется побегать, и туфельку она тоже умудрится потерять...

Но поворачивать обратно Даша Мельникова не стала. Она была отважной девушкой. В ней всегда жила некоторая доля здорового упрямства, которую люди обычно именуют жизненным стержнем. Не зря ее мачеха бесилась. Не зря принц называл Золушку упрямой козой. Приподняв подбородок, расправив плечи, приклеив на губы милую улыбку, готовая

ко всему, она прошла вперед прямо в середину зала, где стояло звездное семейство Богдановых. Правда, готовность ее была больше бравадой. К тому, что произошло дальше, Золушка оказалась абсолютно не готова...

Глава 1

После разговора с Дашиным отцом в груди такой коктейль из непонятных эмоций, где и брезгливость от знакомства с таким низким человеком, и отчаянье от того, что мой отец оказался подлецом, а еще страх потерять волшебство, возникающее каждый раз, когда рядом появлялась моя милашка-Дашка. Пофиг на прошлое, она моя маленькая сладкая девочка, моя упрямая коза. И будет моею, пока я этого хочу. Ни ее папаша алкоголик, ни мой отец-подлец этому не помешают. Золушка меня веселит, бодрит, умиляет, побуждает к различным поступкам и вызывает еще целую кучу других чувств. У меня от нее сносит крышу, а в груди работают лопасти какого-то невиданного механизма, от которых временами не хватает воздуха, а иногда появляется ощущение полета. И хочется ее радовать, без усталости любить, защищать от всех врагов, а еще больше – от любящих родственников.

Я пока заткнул пасть ее папаше. Но что-то мне подсказывает, что такие люди не знают меры, уже давно пропили стыд и совесть, поэтому рано или поздно Мельников Иван Федорович снова появится и станет опять просить деньги за свое молчание. Будем действовать исходя из ситуации. Пока у меня есть время насытиться моей вредной училкой. Хотя эта упрямая чертовка категорически против переезда от своей старушки. Можно, конечно, дать Вере Ильиничне денег, что-

бы она выставила Золушку вон: дескать, в дюймовочкиной квартирке и самой негде повернуться. И тогда вредная Дашка будет вынуждена переехать, и я, конечно, словно благородный рыцарь, дам ей приют, а еще обогрею, точнее, хорошенько разогрею. Да, каждую ночь буду греть. Одно останавливает: если упрямая Золушка узнает об этом коварном плане горячего приюта, то может выставить меня вон из своей жизни. Золушка, конечно, имеет определенную слабость к Игорю Богданову, но вполне способна выкинуть такой фортель. И неизвестно, что победит: слабость или угадывающаяся внутри несгибаемая сила воли этой красавицы. Поэтому лучше не рисковать, придется растягивать удовольствие. Главное, чтобы у меня было время, чтобы в наши отношения, так сказать, с благими намерениями не влезли другие люди – ее папаша или моя семья, желающая свадьбы с подходящей мне по статусу девушкой.

Нестерпимо захотелось услышать голос своей милашки. Схватился за телефон и набрал заветный номер.

– Добрый день, многоуважаемый принц! – звенел колокольчиками голос Даша Мельниковой.

В груди умиление. Это вам не обычное «алло», «да» или «я слушаю». Она неподражаемая маленькая язва.

– Ужасно соскучился, – шептал я в трубку, а в теле вибрировало нетерпение, бешено крутились лопасти влюбленности, все горело и пузырилось желанием увидеть свою прекрасную Золушку. – Я приеду.

– Когда?! – строго спрашивала Дарья.

– Выеду прямо сейчас, буду минут через тридцать, ну, может быть, сорок.

– Ваше высочество, попридержите белых коней. К сожалению, устроить вам аудиенцию в ближайшее время не смогу, у меня педсовет у мудрой черепахи.

– Мудрая черепаха – это у нас Надежда Николаевна?

– Угадал, – смеялась в трубку мобильного телефона моя Золушка.

– С мудрой черепахой я договорюсь.

Уверен, Надежда Николаевна в преддверии транша на ремонт спортзала не сможет отказать мне ни в одной просьбе.

– Нет, не надо ни с кем договариваться, – добавила Золушка холодных ноток в свой голос. – Мы сегодня вообще не собирались встречаться, у меня другие планы, многоуважаемый принц. Боюсь, не смогу выделить вашему высочеству время.

Не может выделить время, значит. Это что еще за заявление?! Приеду и хорошенько надаю Золушке, возомнившей себя принцессой, по ее маленькой аппетитной заднице.

Но надо признать, всякий раз, когда я общаюсь с Дашей Мельниковой, у меня наблюдается стойкое расстройство мимических мышц, улыбаюсь точно блаженный. Причем даже когда Золушка откровенно мне дерзит.

– Даш, к черту планы, хочу тебя видеть. И не только видеть, – влюбленно хрипел я в трубку.

Да, еще хочу прижать к себе, вдохнуть запах, снова ощутить магию между нашими телами.

– После педсовета у мудрой черепахи у меня встреча со старухой Шапокляк.

– Это еще откуда взялось?! Какая, к черту, Шапокляк?! Что вообще за персонаж старуха Шапокляк?! Ты свою бабушку имеешь ввиду?

– Не зови, пожалуйста, Веру Ильиничну бабушкой, она очень милая пожилая женщина, особенно когда ее не мучают мигрени. Ворчит, правда, иногда слишком много, но совершенно безобидно. А старуха Шапокляк – ее подруга, она тоже очень милая пожилая женщина, просто внешне похожа на этот, как ты выразился, персонаж. Такая худенькая старушка с острым носом, одевающаяся в черное.

– До завтра я подохну, – продолжал хрипеть в трубку.

– Все с тобой нормально будет, – смеялась в ответ бессердечная Золушка.

Нормально, если от желания увидеть не хватает воздуха? Я вот не уверен... Какое-то странное состояние организма. Я ведь и раньше влюблялся в девушек, да десятки раз, но такого верчения лопастей внутри ни с кем не чувствовал. Или это от страха потерять, когда я еще вдоволь не наслаждался нашим романом?!

– Вы слишком нетерпеливы, ваше высочество, – продолжала меня отчитывать Золушка.

– У меня такое ощущение, что ты специально придумы-

ваешь всяких мудрых черепах и старух, чтобы со мной не встречаться.

В трубке мобильного подозрительно замолчали.

Может, мне показалось, что Золушка в меня влюблена? Вдруг ею двигают совсем другие мотивы. Деньги?! Мечь? А вдруг она знает, что мой отец виноват в смерти ее матери? Холодок побежал по коже.

– Золушка, ты не хочешь меня видеть?

И снова молчание... Не слишком ли я самонадеянный?

– Хочу... – наконец раздался ее тихий голос.

Вроде бы с чувством сказано.

– Тогда зачем все эти старухи? – пуще прежнего раздражался я.

– Затем, что в моей жизни, кроме вашего высочества, есть еще другие люди, которые тоже требуют моего внимания. Затем, что вы слишком напористы в вашей любви, я не могу быть все двадцать четыре часа только вашей.

– Жаль, – на полном серьезе говорил я в трубку. – Надеюсь, среди этих людей нет лиц мужского пола.

– Как это нет, полным-полно, – лукаво утверждала Даша Мельникова.

Я все-таки надеру ей задницу при встрече.

– Как минимум шестнадцать человек мальчишек первого, ой, уже второго «В» класса гимназии номер семь.

– Ну, этим можно, – милостиво разрешил я.

– А также их папы, дедушки, братья и, редко, но бывает,

другие родственники, – пыталась меня выбесить Даша Мельникова.

– Н-да, придется попросить мудрую черепаху запретить папам вход в школу. Я, оказывается, – вот это открытие, – жутко ревнивый.

– Ой-ей-ей. У тебя там из ушей пар не валит? Смотри, превратишься в огнедышащего дракона.

С ней такое превращение вполне допустимо, потому что свою Золушку я не хочу ни с кем делить. Даже со старухой Шапокляк. Поэтому, наплевав на все возражения вредной училки, а также забросив дела холдинга «Родные просторы», приперся к воротам школы. Предварительно, правда, заглянул в парфюмерный магазин: уж очень захотелось порадовать свою девочку подарком. Она ведь наверняка с таким папашей-пропойцей и, судя по сводной сестре, злой мачехой ничего хорошего не видела в жизни, а на зарплату учительниц разве возможно позволить себе изысканный парфюм.

– Мне нужно что-то искрящееся, нежное, утонченное, элегантное, подходящее молодой строгой девушке, учительнице.

Консультант закружилась вокруг меня, предлагая то один, то второй аромат. На четвертом-пятом все запахи смещались, и кофе не помогал избавиться от этой какофонии запахов, я выбрал первый, который мне запомнился и сразу понравился нежными нотками пиона, розы и игристой свежестью цитрусовых. Уверен, этот аромат ей понравится, нена-

вязчивый, почти прозрачный, хрустальный, очень женственный.

Пока мою ненаглядную не перехватила старуха Шапо-
кляк, бегом помчался к воротам гимназии номер семь.

Какая она миленькая, Даша Мельникова. Внутри опять
целый шквал щемящей нежности. В ней нет жгучей, брос-
кой, а уж тем более шаблонной красоты, но черты лица такие
гармоничные, что невольно притягивают взгляд, а тоненькая
фигурка и пухлые губы раскручивают адские, захватываю-
щие дух лопасти в теле. Хочется прижать милашку к себе и
рычать в сторону любого, кто вздумает на нее посмотреть.

– Здравствуйте, я ваша тетя, – весело воскликнула Даша
Мельникова, увидев меня с шикарным букетом на ступень-
ках школы.

– Не преувеличивай, до тети тебе еще далековато, – снова
лыбился блаженным идиотом я.

– Ну, дядей меня тоже не назовешь, – отвечала, смеясь,
Золушка. – Но, вообще, речь шла не обо мне, я иронизиро-
вала над твоей способностью удивлять и появляться, когда
тебя совсем не ждут.

– Так это я тетя?!

– Нет, ты принц-самозванец.

Она все-таки необыкновенная няшка-милашка. Так хо-
чется подтащить к себе и запечатать ее пухлые губы своим
алчным до поцелуев ртом. Чертова школа, где надо соблю-
дать приличия.

– Знаешь, моему принцевскому самомнению совсем не понравилось, что меня совсем не ждут. Пожалуй, я все-таки обернусь злобным драконом.

– Ах ты ж, боже мой, ваше высочество, простите. Не хотела вас обидеть. Если я ножкой расшаркаюсь, ваше уязвленное самолюбие успокоится?

Прямо захотелось сожрать такую умильную язву.

– Лучше упасть ниц и молить о прощении, – ответил ей с величественной королевской миной на своем лице.

На что чертовка показала язык. Никакого уважения к моему королевскому величию.

– Так зачем тебе нужно было к старухе Шапокляк?

– Я обещала ей помочь разобраться с документами.

– О, тогда позволь предложить свою помощь, я дока в документальных казусах.

– А еще дока в охмурении скромных учительниц, – с нотками обреченности в голосе произнесла Даша Мельникова.

Самодовольно улыбнулся: далеко не только учительниц, дорогая моя Золушка.

А потом мы поехали к этой самой старухе. Она действительно напоминала Шапокляк – такая ссохшаяся женщина в черных одеждах с седыми волосами и острым носом. Мария Дмитриевна хотела оформить в собственность с последующей продажей оставшуюся ей еще с советских времен дачу, но совершенно терялась в реалиях современного документооборота. Золушка, несмотря на то что учительница и ум-

ленькая девочка, тоже была не очень-то сильна, что не удивительно, поскольку никакой существенной собственности за ней не числилось. Поэтому моя помощь и связи оказались очень к месту. Надеюсь, Золушка оценит такое рвение. Шапокляк уж точно оценила. Очень долго меня благодарила.

– Ой, милочка, дай бог тебе здоровья, денег побольше. – Куда уж мне больше. – Еще детишек вам хороших. – Вот бы папа с мамой порадовались. – Только ты, лось всемогущий, не обижай нашу Дашеньку.

Почему это лось, интересно? Хотя добавление «всемогущий» мне понравилось.

– Посмотрим на ее поведение, бабушка.

– Дашенька хорошая, милая девушка и, сразу видно, любит тебя без памяти.

Разве меня можно не любить? Но если любит, то почему вредничает, помогает разным вполне милым старушкам вместо жарких встреч со мной.

– Главное, Мария Дмитриевна, чтобы она меня не обижала.

Не была такой строптивой козой...

– Нет, – смеялась старуха Шапокляк, – Дашенька если обидит, то заслуженно.

Золушка тоже смеялась. А я потихоньку тащил ее к выходу, поскольку, какой бы гостеприимной и доброй старушкой, то есть пожилой женщиной, Мария Дмитриевна ни была, мне хотелось скорее остаться с Золушкой наедине. Ко-

гда последние благословления и пожелания были получены и за нами закрылась обитая дерматином дверь, прижал Дашу Мельникову к стене и впился в ее сладкие губы. Она обвинила мою шею руками, идеально подстраиваясь под мой напор, полностью отдаваясь во власть поцелуя. Блин, только с ней земля, точнее, обшарпанный подъезд обычной хрущевской пятиэтажки уходит из-под ног и кружится голова. Напряжение, которое сидело во мне, постепенно начало отпускать. Она моя, моя сладкая училка, льнет к моему телу, словно ласковая кошечка. Золушка не оставит меня из-за малодушия и подлости моего родителя. Дети не отвечают за грехи своих отцов. Даша меня простит, потому что любит, потому что добрая и справедливая девочка...

Оторвался от сладких губ.

– В пятницу я тебя похищаю, мы едем на все выходные в домик у озера. Помнишь, ты хотела покататься на лодочке.

– Но... – надумала Золушка что-то сказать.

Закрыл пухлые губы пальцами:

– Возражения не принимаются. Все твои дела мы потом на неделе переделаем, поможем и Вере Ильиничне, и Шапокляк, а также другим многочисленным старушкам. Пардон, пожилым женщинам. Так уж и быть, ради тебя побуду волонтером пенсионного фонда. Соглашайтесь, Дарья Ивановна. Потом просто будет очень жаркое время, постоянные командировки и другие важные хлопоты.

Звонок мобильного телефона прервал мою речь: вот и

хлопоты пожаловали. А ведь я почти получил утвердительный ответ – во всяком случае, по масляному, немного поплывшему золушкиному взгляду чувствовалось, что она была на многое согласна.

Звонил отец. Внутри вспыхнуло раздражение. Ну почему он оказался таким подлым гадом. Я ведь всегда гордился родителем, хотел быть таким же, как он, дельным человеком, а не трусом и подлецом.

– Слушаю, – раздраженно ответил я.

– Игорь, я, конечно, понимаю, у тебя там новый роман, – отец тоже был раздражен, – но будь добр, не пренебрегай ради очередной красотки своими обязанностями.

Золушка хотела что-то сказать и освободиться из моих объятий. Но я, конечно же, не позволил. Цыкнул на нее глазами и сильнее вдавил палец в пухлые губы.

– Станислав Антонович, я, кажется, всегда относился предельно серьезно к своим обязанностям.

– Через десять минут начнется совещание по поводу празднования тридцатипятилетия образования холдинга «Родные просторы». Ты, конечно же, ответственный малый и не мог забыть об этом мероприятии.

– Вот черт, – тихо прошипел в трубку.

– Я рассчитывал на твои светлые идеи. Владимир Сергеевич предложил провести празднование в его ресторане, но в свете ваших взаимоотношений с Ликой даже не знаю, что ему ответить.

Быстрый взгляд на Дашу Мельникову: надеюсь, она не слышала про Лику.

– Мы и так практически каждый год празднуем у них.

– И что ты предлагаешь?

– Черт... Я предлагаю перенести совещание на завтра.

– Чтобы через десять минут был на месте, – включил отец директорский голос. – Люди уже собрались.

– Я немного опоздаю.

– Жду...

В теле бушевало раздражение: как я мог забыть про это чертово совещание? Ударил по стене кулаком... Золушка вздрогнула. Разомкнула губы, хотела что-то сказать, а я впился в ее рот горячим жадным поцелуем. Моя вкусная сладкая таблетка.

– Все, милая, мне пора бежать, даже лететь. В пятницу забираю тебя в пять.

Глава 2

– Ой, Лика, рады тебя видеть! Светлана, позови Настену, пусть идет скорее. Скажи, Лика приехала! – отдала холеная хозяйка богатого дома распоряжение помощнице по хозяйству.

Вскоре из своей комнаты прибежала взъерошенная младшая сестренка Игоря Богданова. Немного нескладная, как и брат долговязая, но в целом симпатичная, уже вступившая в ту пору, когда в девочках проявляется женское начало.

– Ой, привет, Лик! Классно выглядишь.

Лика Афанасьева всегда выглядела классно, превосходно, по высшему разряду. Она ведь принцесса, а не рядом постояла. Кроме того, на приукрашивание и поддержание в совершенном виде данной природой красоты прилагалось большое количество усилий и шли существенные материальные вложения.

Девочка-подросток и светловолосая красавица дружески обнялись. Лике Афанасьевой льстило то восхищение, даже преклонение, которое испытывала к ней Настя Богданова. Да и с будущими родственниками надо дружить. Хотя сейчас эта будущность под большим вопросом. Но чем больше она будет нравиться Игоревым родственникам, тем хуже они станут встречать автомобильную шантажистку.

– Давно ты к нам не заглядывала, – посетовала хозяйка

дома. – Присаживайся, – похлопала она по бежевой обивке дорогого дивана, указывая на место рядом с собой.

В особняке Богдановых преобладали светлые тона и никогда не теряющий актуальность классический стиль интерьера. С присущими ему строгостью, элегантностью и дорогими материалами. Тут и собранные по бокам золотистыми подвязками тяжелые портьеры, и хрустальные люстры, и характерные элементы в отделке в виде пилястр, колон да резных ножек мебели.

– Ах, Тамара Викторовна, – горестно произнесла блондинка, присаживаясь на диван, – последнее время была очень расстроена. – На лице красавицы появилась легкая печаль.

В душе печали было гораздо больше, и даже злость присутствовала. Ведь очень обидно быть брошенной... Но принцессе не пристало рыдать дворовой девкой, даже если принц перебежал к нищенке.

– Да и поводов заглядывать теперь нет.

– Лица, что ты говоришь глупости, не нужно никаких поводов. Мы всегда рады видеть девушку нашего Игоря.

– Экс... – с еще большей грустью добавила Лица Афанасьева.

– Не поняла, что за экс? – Тамара Викторовна, не почувствовав трагизма этой приставки, продолжала доброжелательно улыбаться.

– Экс-девушку... Разве Игорь вам не сказал?! Мы с ним

расстались.

– Расстались?! – удивилась, слегка стушевавшись, хозяйка дома.

– Ну почему? Как так расстались?! – потрясенно воскликнула Настя и даже, не в силах выразить свое возмущение, вскочила с кресла. – Вы были такой красивой парой. Очень друг другу подходили. Что Игорь такого натворил?!

– Игорь не созрел для серьезных отношений, – умирающей лебедушкой продолжила Лика, а по ее красивой, покрытой идеальным мейкапом щечке поползла одинокая слезинка.

Блондинка широко раскрыла глаза и замахала руками, словно пытаясь потоками воздуха разогнать предательские слезы.

– Он, видимо, собирается до шестидесяти лет по девкам скакать. Или боится ответственности. А я... я, конечно, очень его люблю... – На этом моменте светловолосая красавица замолчала, позволив горечи и оскорбленному самолюбию взять верх над воспитанием истинной леди.

Богатые тоже плачут, поэтому, когда Лика продолжила, ее голос слезливо дрожал и количество слезинок на щеках значительно увеличилось:

– ...Но мне мало вместе развлекаться, хочется чего-то более близкого и серьезного.

– Игорь придурок! – зло шипела Настя.

– Дорогая моя. – Тамара Викторовна участливо приобня-

ла пригормонившуюся блондинку. – Игорь, конечно, оболтус, как и многие современные мужчины. Не задумывается о будущем, считает, что всегда будет молодым и полным сил. Но вместе с тем он довольно умный парень. Со временем, уверена, придет к пониманию, что ему нужна семья, дети и все вытекающие отсюда радости.

– Насколько я знаю, у него уже новая любовница, – жалобно всхлипывая, добавила красавица блондинка.

– Бабник, какой невозможный бабник, – продолжала шипеть Настя.

– Дочка, оставь нас ненадолго наедине с Ликой. Нужно обсудить серьезные вещи.

– Я уже взрослая и никуда не пойду, – заупрямилась Настя.

– Взрослая она, – возмутилась Тамара Викторовна. – Взрослой ты станешь, когда достигнешь совершеннолетия и научишься поддерживать порядок у себя в комнате.

– Какой может быть порядок, мама, когда Игорь бросил Лику, – насупилась младшая сестра Игоря Богданова.

– А самое главное, – Лика больше не сдерживала свою обиду, и слезы прочертили траурные дорожки по щекам, – если бы он выбрал достойную, действительно любящую девушку. Нет, Игорь попался на крючок обыкновенной охотницы за деньгами. Представляете, Тамара Викторовна, чтобы привлечь внимание Игоря, она бросилась к нему под машину.

– Совсем больная идиотка! – не поскупилась на эпитеты Настя.

– Какие девушки сейчас пошли, без страха и совести, лишь бы урвать от жизни побольше благ, – качала головой хозяйка дома.

Когда такие блага есть в неограниченном количестве, других осуждать легко.

– Я всегда говорила: чтобы быть уверенным в любви, нужно выбирать себе ровню. Но Игорь знает все уловки подобных охотниц за деньгами. Как это он повелся? Не понимаю.

– Вы представляете, я была в тот момент с ним в машине, мы спешили на открытие моего магазина, а тут эта пигалица, под машину упала и притворилась мертвой. Игорь принялся в благородного играть, а мне никак нельзя было опаздывать. На жалости сыграла, мерзавка, а Богданов любит показать широту своей натуры. А тут такая хрупкая, миленькая девушка, которой нужна помощь. Игорь, видимо, почувствовал себя рыцарем не белом коне. Только было бы перед кем благородство показывать. Папа навел справки. Это деревенская девушка, отец которой запойный алкоголик.

– Редкостный осел, – снова обзывала брата Настя.

О том, что девушка с медалью закончила школу, получила красный диплом университета и сейчас работает учительницей, Лика предпочла промолчать. А что?! Она разве врет? Просто недоговаривает всей правды. Учительницы тоже бывают весьма хваткими и аморальными девицами.

– Ах, Игорь. Мужчины – они как дети иногда. Милая, понимаю, тебе обидно, но если ты любишь моего сына, то не отступай. Борись за него. Не думаю, что это увлечение всерьез и надолго.

– Ужасный бабник, – продолжала колотиться Настя.

– Сейчас мужчины такие инфантильные. Хотят веселиться, жить в свое удовольствие, реализовывать себя в бизнесе. Семья, дети... Им кажется, что лучше не обременять себя раньше времени.

– Я все понимаю, Тамара Викторовна, – несколько раздраженно воскликнула Лика. – Это все прописные истины! Но что вы предлагаете делать в такой ситуации? Навязываться, унижаться перед ним? Или сидеть ждать, когда Игорь повзрослеет, созреет для создания семьи. Мне не нравится, когда мной пренебрегают. Я молодая красивая девушка, в конце концов. У меня тоже есть гордость. – Новая порция слез оросила прекрасное девичье лицо.

Хозяйка не стала обижаться на крикливость гостьи, снова обняла блондинку за плечи.

– Я понимаю, мои слова прозвучат цинично. Но да, думаю, сейчас лучше всего подождать. Рано или поздно эта девица сама себя выставит в дурном свете. Как бы она ни прикидывалась нежной и ранимой, хабальство, жадность, отсутствие должного воспитания все равно вылезут наружу. Как говорят, можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки не вывести никогда... Игорь тот еще эстет, он долго

не сможет быть с такой девицей. Все наносное быстро сдувается. Просто, возможно, сейчас работает эффект новизны, который быстро пройдет.

– Игорь еще локти будет себе кусать, – поддержала мать Настя. – Он никогда не найдет девушку красивее.

Сестра Игоря Богданова еще не поняла, как бывает верна пословица «Не родись красивой».

– Боюсь, это девка умеет казаться достаточно интеллигентной, – сдавленно прошептала блондинка.

Не зря же она учительницей работает, не просто же так у нее пятерки в дипломе. И еще довольно хорошенькая. Но эти панические мысли Лика не стала озвучивать.

– Поверь, я очень расстроена этой ситуацией и обязательно поговорю с сыном. И Стаса попрошу прочитать лекцию. Хотя Игорь мало кого слушает. Дед обеспечил его акциями, в материальном плане он совершенно независим, поэтому у нас мало рычагов давления. Но мне радостно, что Игорь вырос в целом ответственным и дельным человеком. Именно эта дельность не позволит ему связать свою судьбу с деревенской хабалкой. Лика, это просто нижепоясной интерес, который пройдет после утоления первой страсти. Тебе нужно проявить чуточку терпения.

Если бы все было так просто... Разве ради нижепоясного интереса расстаются с принцессой?!

«Сама себя выставит в дурном свете», – крутилось в белокурой голове красавицы Лики после разговора с мамой Игоря Богданова.

– А если не выставит? – вслух произнесла она и тут же ответила себе: – Значит, надо выставить учительницу в дурном свете.

Все гениальное просто.

Но как это сделать?! Лика забегала туда-сюда по своей большой, подаренной папой на совершеннолетие квартире. Что можно придумать? Нанять какого-то жигало, чтобы он вскружил голову глупой Золушке? Вдруг она поверит пустым словам о любви, женщины ведь любят ушами. Нет. Разве после Игоря Богданова можно увлечься другим парнем? Пусть он будет хоть трижды раскрасавцем. Надо быть полной дурой, совсем безголовой идиоткой. А учитывая трюк с машиной, училку нельзя назвать простофилей. Жигало не пойдет. Нужно что-то более существенное...

Но что?!

А вдруг какой-то компрометирующий факт можно найти в прошлом автомобильной охотницы? Она красивая.

Лицо прекрасной блондинки скривилось, словно она залпом выпила целый стакан лимонного сока, да еще закусила горькой полынью. Да, если быть откровенной, учительница

довольно миленькая. Этакая маленькая симпатичная... обезьяна.

Симпатичная – значит, в ее прошлом должна быть какая-то пошлая любовная история, которую можно вытащить на белый свет, а потом использовать в своих интересах.

Отец, конечно, собрал информацию. Только по ней училка выходила уж слишком хорошей: умница, красавица, рано лишившаяся маменьки и, несмотря на, прямо скажем, бичевскую семью, умудрившаяся вырасти примерным членом общества. Ага-ага, так мы и поверили. Скромница чертова! Игорю никогда раньше не нравились скромницы. Чего он тут слюни распустил? Нет, в этой идеальной картинке должен быть изъян. И она его обязательно найдет.

Красавица блондинка схватилась за мобильный телефон. Помнится, она сохраняла номер сводной сестры этой маленькой хитрой шлюшки. Настало время познакомиться с любящей семьей. Что-то Лике подсказывало: она не такая уж и любящая. Конечно, у всякой приличной Золушки должны быть злые сестры.

– Алло, добрый день. Лика Афанасьева беспокоит.

– Лика Владимировна, – почти благоговейно выдохнули на том конце трубки.

– Прости, забыла, как тебя зовут.

– С-соня, – заикалась от волнения собеседница.

– Соня, можно нам встретиться? Хочу поговорить о твоей сводной сестре.

– Д-да, конечно, – продолжала подобострастно заикаться девушка в мобильном телефоне.

– Давай сегодня в семь вечера встретимся. Рядом с моим бутиком есть очень хорошая кофейня «Французский антураж».

– Ой, простите, Лика Владимировна, – чуть ли не плача извинялась сводная сестра ненавистной училки. – Не могу сегодня. Я ведь в поселке Великомихайловском живу, отсюда до города быстро не добраться. Давайте встретимся завтра часиков в десять.

– Хорошо, в десять, – величественно разрешила красавица блондинка. – Большая просьба не опаздывать.

Девушка, которая подошла к Лике Афанасьевой в кафе «Парижский антураж» была некрасивой, если говорить откровенно – даже страшенькой. Толстая, с маленькими невыразительными глазками и красными губами ниточками. К тому же она совершенно не умела одеваться. Вещи самые дешевые, аляповатые, на два размера меньше необходимого, только подчеркивали поплывшие девичьи формы. Лицо простоватое, как говорят – не обезображенное интеллектом. Маленькие глубоко посаженные глазки, реденькие, желтоватые (кто-то неудачно осветлился) волосы, нос картошкой и

несоизмеримо большие щеки. Сводная сестра учительницы вызвала в красавице блондинке брезгливость. Лица любила окружать себя красивыми статусными вещами и людьми. Пожалуй, решение встретиться с этой жабой вблизи бутика было опрометчивым. Еще, не дай бог, кто-то из знакомых увидит.

Преодолевая брезгливость, Лица натянуто улыбнулась.

– Присаживайся. Э-э-э... – Имя девицы опять выскочило из белокурой головы.

– Соня, – подсказала девушка.

– Ах да, Соня. – И снова натянутая улыбочка сковала губы красавицы.

Толстая девица подрагивающими руками отодвинула беленький стул в стиле прованс и плюхнулась своей массивной задницей на сиденье. Прямо стало жаль стул и все другие поверхности кафе «Французский антураж», которых касалась эта уродина, будто она могла их испачкать своей некрасивостью. Лице непроизвольно захотелось отодвинуться подальше, желательно на пару километров. Подумать только, с кем приходится возиться.

– Соня, мне нужна информация о твоей сводной сестре.

– Значит, вы все-таки поверили мне, что Игорь Богданов и Дашка любовники. Я несколько раз видела, как они целовались. Взсос, по-взрослому, совершенно никого не стесняясь.

– Прямо принц и нищенка, – болезненно поморщилась

Ли́ка Афана́сьева.

– Ага. – По лицу Сони тоже пробежала злобная гримаса.

Жаба зависти в девичьей груди снова ширилась и разрасталась, душила, перекрывая воздух и наполняя легкие горечью. Требовала действий, хотела отыграться за свою некрасивость.

– Давай вернемся к делу.

– А какое у нас дело? – хлопая глазами, спросила Сонька.

– Я же сказала, мне нужна информация про твою сводную сестру, – снова раздражалась Ли́ка. – Мой папа нанял частного детектива, но тот собрал скудные факты, по которым она выходит этакой суперположительной скромняшкой. Ты знаешь ее с детства и наверняка можешь рассказать мне много интересного. Я не такая наивная, чтобы поверить в ее абсолютную хорошесть. Мне нужно знать все нелюбопытное, что вытворяла эта училка. Вытащить на свет все ее скелеты и преподнести их Игорю на блюдечке с золотой каемочкой.

– Скелеты?! – глупо переспросила толстуха.

– Да, что-нибудь грязное и нелюбопытное.

– Нелюбопытное? – нахмурила лоб Соня.

И снова в Ли́ке бушевало раздражение. Жирная деваха к тому же оказалась полной дурой, хлопала своими невыразительными глазками, не понимая смысла самых обыкновенных слов. Жаба, по-другому не скажешь. «С кем приходится возиться», – в который раз возмутилась в мыслях белокурая красавица.

– Ну, Дашка та еще зануда, любит всех поучать. Считает себя самой умной. Книжечки вечно читает. Нос свой задирает, будто она чем-то лучше всех остальных.

– Я другое имела в виду, меня не интересует ее чтение, – досадливо скривилась Вика. – Наверняка Игорь Богданов не первый богатый человек в ее постели. Мне нужно знать о других любовниках твоей сводной сестры.

– Любовниках?! – снова некрасиво хмурила лоб Соня. – Да какие у нее любовники. Кому такая зануда нужна. Не было у Дашки никаких любовников. Она, наверное, до двадцати двух лет целкой ходила, пока ее Богданов не оприходовал. Всегда повторяла: дескать, лучше быть одной, чем с кем попало.

Жаба зависти снова перекрыла девичье горло. Ведь на нее, Соньку, даже кто попало не смотрел.

– Но парни-то у нее были? Какая-нибудь старая любовь, которая, как известно, не ржавеет.

– Парни? Ха. Ну разве что во сне. От ее нравоучений любой сбежит. Бесит до зубовного скрежета. Я же говорила, она за книжками постоянно сидела, хотела ЕГЭ хорошо сдать и бесплатно в университет поступить. Ну, и хозяйство на Дашке было. Убрать, постирать, еду приготовить. Мать на работе, отчим пьянь подзаборная, Олег мальчик, а она старшая, – повторила усвоенные с детства слова Соня.

– Если быть объективной, твоя сводная сестра довольно симпатичная девушка. Наверняка ваши деревенские парни

хотели затащить ее в постель или на сеновал. – На полных девичьих губах заиграла пренебрежительная улыбочка.

– Бегали за ней, конечно. Даже Олег, брат мой старший, к ней приставал. Только Дашка все нос свой воротила, гнала всех ухажеров. Принца ждала, на коне и с алыми парусами за спиной.

За столом кафе «Парижский антураж» повисла пауза, каждую из девушек отравила горечью мысль: «И ведь дождалась». Вот и не верь после этого в сказки.

– А в институте? – раздраженно спросила Лика.

– Она училась на учительницу начальных классов. Как мамочка ейная хотела стать. У них в группе, насколько я знаю, ни одного мальчишка не было.

– В группе – может быть, но в университете полно симпатичных парней. Не верится, что ни один не заценил милашку.

– Не знаю, Дашка не рассказывала и никого из парней не приводила домой.

– Я просила рассказать о нелицеприятной фактах, – вспылила Лика Афанасьева.

– Рассказываю что есть, – смутилась Сонька. – Еще Дашка жмотина редкостная. Мать ворчала, что она по вечерам подрабатывала, полы мыла, рефераты писала, но в семейный бюджет не складывалась. И сейчас у нее олигарх в любовниках, а она ни копейки домой не привезла.

Лика Афанасьева задумалась...

– Понятно, значит, ничего плохого за твоей сводной не замечено. Только не говори, что она и матом не ругается.

– Ага, не ругается, – скривилась толстушка. – Только умничает и поучает. Типа если ты постоянно употребляешь матерные слова в своей речи, то показываешь свою невоспитанность. – Сонька даже голос изменила, подражая занудной, по ее мнению, сводной сестре. – И если парень в разговоре с тобой употребляет мат, он типа не уважает тебя как девушку. Ну, и тому подобный бред. Поэтому надо с этим парнем, пока он не извинится и не изменится, перестать общаться.

А с кем тогда общаться? Других парней в Сонькином окружении просто-напросто не наблюдалось.

С бредом по поводу матерных слов Лика была согласна. Но росткам симпатии, брошенным на ниву обиды и задетого самолюбия, буйствующих в душе мадмуазель Афанасьевой, не суждено было развиваться. Лике стало еще горше, во рту добавилось вкуса полыни. Теперь она поняла, на что купился Богданов, и, к сожалению, он не только на симпатичное личико запал. Этакая никем не тронутая девственница, миленькая, ладненькая, а еще умненькая, гордая и правильная. К тому же с трагичной судьбой. Благодетелем себя почувствовал... Игорь вслед за дедом и отцом любил выставлять себя добреньким меценатом.

Только вот на видео в клубе учительница не казалась такой уж положительной. Отплясывала, попой вертела, целовалась с каким-то левым мужиком.

«”Кажется”, “покажется”, “все не то, чем кажется”, – крутились бессвязные мысли в голове блондинки. – Мне вот училка показалась охотницей за деньгами и девицей легкого поведения, а она, оказывается, почти святая». Только так не пойдет. Нет. Нужно низвергнуть эту милую Золушку с пьедестала святости. Показать ее другой, не правильной и хорошей, а жадной до денег и развратной. Игорь циник, на его пути встречались только такие девушки, он поверит.

– Слушай, Соня, мне нужна твоя помощь... Раз ничего нелицеприятного нет в ее прошлом, нужно создать что-нибудь нелицеприятное в настоящем.

Жаба внутри Соньки радостно подпрыгнула. Да-да, надо отомстить сестрице за ее красоту, за то, что она дождалась принца на белом коне, а не зачала в своей школе никому не нужной старой девой. Кажется, у нее есть шанс плеснуть кислотой в лицо сводной сестрицы. Даже лучше: она поможет ее переломать, живого места на ней не оставить, низвергнуть с небес на землю. Принцы должны быть недосягаемыми для простых смертных, тогда не так больно и обидно.

– Да, конечно, можете во всем на меня положиться...

Глава 3

– Дорогая мамочка. Ты позвала, и я, как примерный сын, примчался к тебе.

Обнял родительницу и расцеловал в обе ее подтянутые золотыми нитями щечки.

– Примерный сын, – смеялась матушка, – не смешите мои тапочки. Ты даже когда под стол ходил пешком, не отличался примерностью.

– Видимо, в то время я предполагал, что именно под столом спрятаны самые интересные вещи.

Вслед за мной в гостиную зашел отец. Мы сразу после рабочего дня по зову хранительницы очага семьи Богдановых отправились в загородный дом для теплого семейного ужина и очень важного, по словам мамы, разговора.

– Ну-с, зачем звали, Тамара Викторовна? – проговорил я как дворянин начала двадцатого века, церемонно присаживаясь в кресло. Для полноты образа даже ногу на ногу закинул.

Только разговор начала не матушка, а брызжущая негодованием и заодно слюной младшая сестренка:

– Как ты мог бросить Лику?

– О-о-о, – невольно удивился я, – вести быстро распространяются. Станислав Антонович, уж не ожидал от вас такой прыти. Я, конечно, понимаю, мужчины не сплетничают,

а, обеспокоенные судьбой сына, делятся секретами со своей семьей, но почему меня сначала не спросить?

– Я тут совершенно ни при чем, – хмуро сказал отец, присаживаясь в кресло рядом со мной, и величественно откинул свою покрытую благородной сединой голову на спинку кресла. Царь-подлец на троне, не меньше.

– Это Лика приходила, плакала. Она тебя любит, идиота! – продолжала обвинять Настена.

– Лика плакала? – удивился я. – А при нашем разговоре ни одной слезинки не уронила. Настя, такие люди, как моя бывшая девушка, любят только себя, и плакали в ней не чувства ко мне недостойному, а ее уязвленное самолюбие.

– Игорь, ну зачем ты так? – заступилась за Лику матушка. – Она дочь своего времени и положения, поэтому не стала показывать свои эмоции. В девушке тоже есть гордость, но переживает Лика искренне.

– Искренне? Лика?! Афанасьева та еще актриса, – лишь недоверчиво скривился.

– Девочка уже давно повзрослела и, в отличие от тебя, чурбана бесчувственного, хочет семью и детей.

– Ха-ха. Как ты выразилась совсем недавно, не смешите мои тапочки, – лишь отмахнулся я. – Хочет она детей, как же. – Даже натянуто рассмеялся. – Мама, ты когда-нибудь видела рядом с Ликой ребенка? Да ее от вида маленьких детей перекашивает всю.

– Ну почему же, с Настей они довольно хорошо ладят.

– Настя – девица 14 лет. Тем более непонятно почему считающая Лику совершенством. Вон даже в манере одеваться ей подражает. Что за необходимость ходить дома одевшись так, словно собираешься на парад мод.

Сестра на мою критику зло сверкнула глазами.

– Ко мне друзья скоро должны прийти.

– О, ну конечно, перед друзьями обязательно нужно выпендриться.

– Уверена, что своего ребенка Лика будет искренне любить, – возвращаясь к теме сегодняшнего собрания, настаивала родительница.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому. Значит, я не хочу от нее детей. Довольна, мама?! Вдруг вырастут такими же обеспокоенными своей внешностью и зацикленными на дорогих нарядах эгоистами. Одного самовлюбленного эгоиста в семье вполне достаточно.

– Ну почему? – продолжала возмущаться Настя. – Она же такая красавица!

– И от кого ты хочешь детей, позволь полюбопытствовать... От своей новой любовницы, у которой отец запойный алкоголик?! – продолжала наседать маменька. – Ты представляешь, какие с ней могут быть дети?!

– Тома, – царственно скривился отец, – давайте обойдемся без криков и громких слов.

– Вот как? – снова удивился я. – А эта информация откуда? – И недовольно вперился взглядом в отца. – Станислав

Антонович, и не стыдно вам следить за сыном, словно за маленьким неразумным дитем. Уж вырос, лоб здоровый, под стол пешком не хожу.

– Я же сказал, что ни при чем.

– Это Владимир Сергеевич навел справки, – разъяснила ситуацию мама.

– Ах, Владимир Сергеевич. Он зачем вмешивается?! Ну, это вообще ни в какие ворота не лезет! Мы с Ликой не оформляли наши отношения, просто встречались. Я не давал ни ей, ни ему никаких обещаний и заманчивых предложений.

– Что ты так возмущаешься?! Вполне естественно ожидать, что если молодые люди встречаются, то через некоторое время они поженятся. Мы тоже надеялись на такой исход событий. Володя, как любящий отец, переживает за дочь. Не вижу в этом ничего страшного, – защищала друга семьи матушка.

– А я вижу, Афанасьев лезет не в свое дело. У него нет никакого права за мной следить. Из нашей семьи ведь никто не вмешивается в его отношения с периодически меняющимися женами. И уж тем более не устраивает слежку.

Отец еще сильнее нахмурился.

– Игорь, ты действительно думаешь, что эта девушка любит тебя? – с легким пренебрежением в голосе спрашивала матушка.

– Уверен на все сто, – мрачно произнес я, поскольку тон

и направление нашего семейного разговора мне совершенно не нравились.

Золушка просто тает в моих объятиях, и смотрит так проникновенно. Словно мое присутствие ее вдохновляет, делает счастливой, словно я для нее солнце и все другие небесные светила, вместе взятые. Правда, вредничает иногда, но это не отменяет большой любви, она просто отстаивает свою точку зрения.

– Ага-ага, как же! Вроде бы большой мальчик, но наивный. Ей только деньги твои нужны! – продолжила нападки Настя.

Мелкая пигалица, еще ничего в жизни не понимает, в людях совершенно не разбирается, но считает, что вправе поучать старшего брата.

– Настя, я предпочитаю жить своим умом, а не руководствоваться советами родителей, и уж прости, но не склонен доверять мнению четырнадцатилетней сестры, какой бы умницей она ни была. С каких пор ты стала экспертом по человеческим отношениям? Если бы ты смотрела глубже чисто внешней картинки, то увидела бы, что Лика далека от идеала.

– А ты, значит, смотришь глубже красивого личика и фигурки? – И опять в голосе родительницы слышалось пренебрежение. – Неужели ищешь какие-то редкие душевные качества?

Улыбнулся во всю ширь своей почти голливудской улыб-

ки.

– Иногда, мамулечка, смотрю. Просто не всегда это нужно, зачастую хватает красивого личика и фигурки.

– Игорь, как ты не понимаешь, что, погнавшись за очередной симпатяжкой, ты можешь потерять действительно достойную девушку, – продолжала учить меня уму-разуму матушка.

– По-моему, единственное достоинство Лики перед всеми другими девушками состоит в том, что ее отцом является Афанасьев.

– Да она такая... – подскочила с дивана Настя.

– Ах да, еще у нее хорошая фигура и симпатичное личико, – сразу перебил я сестру, осаждая излишний пыл. – Вот в ее случае я действительно повелся на мордашку.

Еще в Лике на тот момент меня привлекла доступность, она сразу за мной пошла, стоило только пальцем поманить, и свободные взгляды на секс соответствовали моим нижепоясным устремлениям.

А ведь, пожалуй, милашка Золушка самая достойная девушка, которая попадалась на моем пути. Добрая, умненькая, принципиальная, любящая детей, умеющая отстаивать свою точку зрения, еще сюда можно добавить целомудрие, хорошее чувство юмора, ну и конечно, симпатичные глазки, милую улыбочку и идеально помещающиеся в моих ладонях грудки.

– Я всегда говорила, что нужно искать себе ровню. А ты

связался с какой-то деревенщиной, которая ради денег под машины прыгает.

Ну это уже перебор... Стукнул ладонью по спинке кресла.

– Мама, прекрати! Ты ничего не знаешь об этой девочке и осуждаешь ее только лишь по поверхностным фактам, которые собрал господин Афанасьев.

– Стас, скажи ему что-нибудь! – обратилась маман за помощью к отцу. – Ты видишь, эта девица его уже обработала. На мать поднимает голос, ее защищая.

Отец сидел с насупленными бровями, очень серьезный, но, кажется, думал о чем-то своем. Надеюсь, глубокоуважаемый подлец папенька не станет читать морали. Конечно, если считаться по подлости и эгоизму, то Лику, безусловно, мне ровня. Только не очень хочется ровняться в том, кто подлее.

– Стас?! – снова обратилась мама к отцу.

– Тома, – страдальчески скривился отец, – наш сын достаточно взрослый и здравомыслящий парень. Думаю, сам разберется со своей личной жизнью.

Браво, папенька, удивил... Не стал продолжать песню про сомнительные достоинства.

– Но он бросил Лику! Где ты увидел здравомыслие?!

– Дорогие мои, родственники, – примирительно начал я. – Почему вы смотрите в таком негативном ключе. Сейчас многие бизнесмены, наоборот, едут искать себе невест в деревню. И в этом есть определенная логика. Такая беденькая

скромница будет по гроб жизни благодарна, что ее избавили от безденежья, и, боясь потерять свое сытое положение, все эти дорогие побрякушки и брендовые наряды, станет просто идеальной женой: старательной, ласковой и послушной. Разве это плохо для семейной жизни?

– Ты что, собрался жениться на этой деревенщине? – возмутилась мама. – А тебе не будет стыдно с ней в обществе появляться?

Настена, поддерживая мать, зло фыркнула.

Жениться?! А может, мне и правда жениться на Золушке. Вдруг при таком матримониальном раскладе, узнав правду, она не сможет от меня сбежать. И с ней мне точно не будет стыдно появляться в обществе, главное Золушку приодеть и придать необходимого лоску.

– Пока об этом не думал. Но опять-таки: не вижу причин для столь бурного возмущения, вам даже не нужно бояться за нажитые праведным путем блага. Составляется брачный контракт, и все в ажуре, девочке придется быть хорошей. Обещаю, если я надумаю вступить в законные узы, то привлеку вас для составления условий этого контракта.

– Ты будешь идиотом, если бросишь Лику и женишься на этой деревенской сиротке. Над тобой весь город станет потешаться. Поменял принцессу на нищенку. Смех, да и только! – безапелляционно настаивала Настя.

– Возможно. Но, надеюсь, я буду счастливым идиотом. Разве для любящей семьи это не главное?! И давайте на этом

семейный совет на тему «Спаси сына из лап деревенщины» будем считать закрытым. Пойдемте лучше ужинать. А ты на досуге, Настюш, перечитай сказки «Свинопас» и «Золушка» – может быть, поймешь их скрытый смысл.

Вечером в спальне супругов Богдановых состоялся следующий разговор. Тамара Викторовна, совершая свой обязательный вечерний кремовый ритуал на стуле перед туалетным столиком, недовольно произнесла:

– Стас, я не понимаю твоей позиции: почему ты не поддержал меня при сегодняшнем разговоре? Мы же о свадьбе Игоря и Лики еще с детства наших детей мечтали. Афанасьев твой лучший друг. Что за непонятное мычание было про Игореву здравомыслие?!

Старший Богданов присел на супружескую кровать и устало потер переносицу.

– Тома, дело в том, что девушка, с которой сейчас встречается Игорь, дочка той женщины.

– Какой той женщины? – раздраженно спросила Тамара Викторовна и, перестав втирать в кожу крем, взглянула на мужа.

– Женщины, которая погибла по аварии.

В комнате на несколько секунд повисло тягостное молчание.

– Это что, бумеранг прилетел? – невесело усмехнулась мадам Богданова.

– Не знаю, – все еще потирая переносицу, глухо произнес ее супруг. – Но я посчитал, что будет правильнее не вмешиваться.

Тамара Викторовна встала с туалетного стула, подошла к старшему Богданову, присела рядом с ним на шоколадное покрывало кровати, обняла супруга за плечи.

– Стас, не мучай себя. Ты поступил правильно. Разве кому-то стало бы лучше, если бы тогда на свет вышла правда?! И семью той женщины хорошо отблагодарили. Так ведь?!

– Так. Но я чувствую себя, словно поступил не так... – Мужской голос звучал глухо. – Уволил еще потом Мельникова. Но сколько можно было терпеть его наплевательское отношение к работе?

– Стас, – гладила мужа по плечам Тамара Викторовна, – ты уволил его после нескольких предупреждений. Человек откровенно сел на шею, ничего не делал, только за зарплатой приходил. Такие, если их не приструнить, всю жизнь будут строить из себя мучеников, уверенные, что им по гроб жизни все должны. Хорошо, Володя его припугнул. Дорогой, сейчас это лишние переживания, ситуация уже давно в прошлом. Забудь...

Глава семейства Богдановым грустно ухмыльнулся.

– Но девушка у Игоря в настоящем. И, кажется, он действительно влюблен, что не характерно для нашего сына.

– Теперь я еще больше уверена, что эта девица совершенно не подходит Игорю. Разве у такого человека могла вырасти достойная дочь. – Тамара Викторовна вдруг стукнула себя по лбу. – Милый, знаешь, о чем я подумала? Может, она появилась в нашей жизни не случайно? Вдруг это месть?! Лика говорила, что эта деревенщина специально бросилась под машину Игоря.

– По данным службы безопасности, Игорь в тот день ехал мимо школы, где работает эта девушка, совершенно случайно. Она, как и ее мама, учительница начальных классов. Откуда девушка могла знать, что он будет проезжать именно в это время и в этом месте? В холдинг сын предпочитал ездить другой дорогой. И девица не бросилась под машину, а упала в обморок, когда увидела, что на нее несется черный БМВ. Во всяком случае, так объяснил Игорь безопаснику «Родных просторов», к которому обратился за помощью, желая отыскать девушку. Налицо психологическая травма, оставшаяся после смерти матери. В общем, не похожа их встреча на месть.

– Н-да уж... – задумчиво произнесла Тамара Викторовна, – жизнь умеет преподносить сюрпризы. Но я все равно уверена: эта девушка не пара нашему сыну. Стас, надо что-то придумать, разлучить их.

После неприятного семейного разговора и вкусного ужина, вняв настойчивым просьбам матушки, остался ночевать в родительском особняке. Но как только остался один, сразу же потянулся к телефону: нестерпимо захотелось услышать голос своей милашки.

– Привет, Золушка, – пророкотал влюбленным котом я.

– Добрый день, ваше высочество.

– Ты можешь называть меня просто Игорем.

– Спасибо за разрешение, ваше сиятельство, только на просто Игоря ты совершенно не тянешь.

И снова мимические мышцы вышли из строя, растянув в ослепительной улыбке мои губы. Золушка всегда поднимает настроение, впрочем не только. Хищник во мне всегда щерился, желая иметь ее в своей власти.

– А на кого тяну?

– Как минимум на слишком много Игоря.

Маленькая вредина, вот непременно нужно задеть.

– Ты намекаешь, что я навязчив. – Влюбленный рокот сменился раздраженным урчанием.

– Нет, нисколько, я намекаю на твою потрясающую самоуверенность.

– Да, я уверенный в себе мужчина, – снова добавил рокота в голос. – Хочешь, отгадаю, о чем ты думала, пока я не

ПОВЗВОНИЛ.

– Попробуй. – В девичьем голосе много-много лукавства.

– Проще простого, маленькая: конечно, обо мне думала.

– Игоря еще больше, чем я предполагала, – смеялась Золушка.

– То есть ты утверждаешь, что это неправда?

– Ну... – стусевалась Дарья Мельникова, потому что девочка честная и лгать открыто – не в ее характере. – Оспоредованно, возможно, ты прав. Я как раз придумывала десять способов, с помощью которых можно подправить невидимую корону на голове у излишне самовлюбленных парней.

Моя неподражаемая язвительная милашка. Ох, скоро ощутишься в моих объятьях, ох, уж я тогда отыграюсь. Заставлю ее раз за разом молить о пощаде и кричать в беспамятстве – нет, не ваше высочество – «Игорь».

– Первый из них – его покусать, второй – дать пощечину, третий – наговорить кучу гадостей, четвертый – угрожать сковородкой, пятый – держать на расстоянии...

Колокольчики Дашиного смеха весело зазвенели в трубке мобильного телефона.

– Судя по личному опыту, – Золушка неожиданно тяжело вздохнула, – это, скорее, способы обратить на себя внимание незнамо кем коронованных особей.

– Ага, подловил, так ты это делала специально, – подтрунивал над Дашкой я. – Хотела таким образом затащить меня в свою постель.

– Ваше высочество, – сразу же превратилась милашка-Дашка в рассерженную фурию, – ой, дождетесь, я когда-нибудь приведу свои угрозы в реальность.

– Хочешь еще сильнее меня влюбить, бессовестная?

– Нет... То есть возможно, – стала путаться в показаниях Золушка. – Если честно, я даже не предполагала, что мои действия приведут к такому сильному эффекту притяжения.

Не предполагала она... В каждом мужчине живет охотник, а тут такая милая, вредная, никем не тронутая строптивица. Разве можно устоять?!

– А хочешь знать, о чем думал я, прежде чем тебе позволить.

– Наверное, все твои мысли были направлены на решение общечеловеческих проблем. Возможно, тебя волновала ситуация с голодом в Африке.

Засмеялся. Какая может быть Африка. Жар и голод в моем организме вызывают совсем другие мысли.

– Мне бы с Россией разобраться. Но дай срок, «Родные просторы» и до Африки доберутся.

– Охотно верю, Богдановы любят делать все с размахом.

– Если честно, боюсь показаться плохим и подтвердить свою испорченность, но проблемы Африки пока меня мало колышут. Я думал об одной вредной маленькой учительнице с очень красивой улыбкой и потрясающей способностью колоть меня мелкими колючками.

– Не переживайте, ваше высочество, чтобы пробить си-

ательную броню вашего самолюбия, этих колючек недостаточно.

Дурочка, уже во все места попала, даже сердце истыкала своим неподражаемым шармом. Все самолюбие превратилось во влюбленность к ней.

– А попробуй по-другому, не колючками, а лаской... Так точно достанешь, против твоей ласки у меня нет брони.

В мобильном ненадолго замолчали...

– Игорь, когда ты рядом, у меня в крови появляется множество маленьких пузырьков шампанского. Они щекочутся изнутри, поэтому мне постоянно хочется улыбаться, даже хихикать, и еще, как маленькой девочке, подпрыгивать и хлопать в ладоши.

– Такая же фигня, – смеялся я в трубку. А еще мне хочется, как маленькому мальчику, дергать тебя за косички, подкладывать кнопки на стул и постоянно смущать своими прикосновениями.

Дашка-милашка снова звенела колокольчиками своего неподражаемого смеха в моем мобильном.

– Придется тебя поставить в угол, – продолжала угрожать Дарья Ивановна.

– Меня, бугая, туда фиг загонишь. Хотя, если ты составишь компанию, можно и в углу придумать парочку приятных занятий.

После разговора с Золушкой внутри появилось странное чувство, похожее на страх или же непонятное плохое пред-

чувствие. Словно свинцовые тучи сгустились над моей, нашей сказкой. Волшебство не продлится долго.

Это что-то новенькое, Богданов, ты раньше никогда не боялся потерять девушку. Зачем мне было бояться, ведь бабышни всех сословий, стремясь хоть ненадолго привлечь внимание самого красивого из самых богатых мужчин города, готовы были в очередь становиться. А Дашка другая... В любой момент может взбрыкнуть, сказать: «Чур меня» – и, задрав вверх миленький нос, пойти своей дорогой в бедное, но благородное будущее.

Глава 4

Я столько дней жила предвкушением уикенда. Боже, какая радость, наедине с моим наглым самоуверенным принцем почти два дня на берегу прекрасного лесного озера, только без смущения быть замеченными всевидящими детскими очами. Всю неделю я вела себя с Богдановым как Джейн Эйр в период помолвки с мистером Рочестером, находила разные предлоги, чтобы не встречаться, шутила, острила, иногда откровенно нарывалась, хотя сама умирала от желания его видеть. Просто меня страшила та зависимость, которая появилась внутри. Казалось, солнце в моей сегодняшней жизни восходило и сама жизнь начиналась, только когда рядом появлялся Игорь.

Все остальное время – это ожидание жизни, ожидание его сиятельного явления. Куда подевалась прежняя гордая и самодостаточная девочка? Оказалось, самой себя мне явно недостаточно. Но внутри временами зрел протест. Конечно, Даша Мельникова – маленькая, даже своей семье не нужная девчушка, но все же я – личность, учительница, умница и красавица. Нельзя позволить потерять себя в великолепии Игоря Богданова.

Вера Ильинична увидела в моем поведении житейскую мудрость.

– Ты молодец, девонька, не стелешься перед ним, на рас-

стоянии держишь, шпильками тыкаешь. Это хорошо, а то такие принцы обычно быстро загораются, но остывают еще скорее. А так, глядишь, подольше задержится.

Подольше задержится?! Похоже, Вера Ильинична не считала, что наши отношения с принцем продлятся долго и вырастут во что-то более серьезное. И, самое главное, в глубине души мои страхи тоже так не считали.

Как же получилась подобная ситуация?! Я ведь всегда хотела встретить обычного хорошего парня, никогда о принцах не помышляла. Точнее, не позволяла себе таких глупых мечтаний. Но теперь, когда я познала головокружительный вкус принцевских поцелуев, жар его объятий, нежность рук, позволила себе любоваться его обаятельной улыбкой. В общем, поплыла, уплыла от здравого смысла на сотни километров. Теперь не могу устоять, иначе пузырьки шампанского разорвут изнутри. Сейчас могу только поддерживать видимость самостоятельной гордячки.

– Золушка, – зарокотал в трубке мобильного телефона голос принца, – я уже приехал, давай, спускайся.

Трепещущие бабочки внутри тела опьяняли радостью. Приехал, приехал, наконец-то приехал!

– Белый конь бьет копытами, то есть покрывками землю, желая побыстрее отправиться на природу и наконец-то отдохнуть от горячего асфальта города и долбаной любимой работы.

– Привет, Игорь, – задохнулась весельем я. – Кажется,

принц тоже бьет копытами, последняя фраза явно не от коня была.

– Принц весь в конвульсиях бьется, желая скорее почувствовать Золушку в своих объятьях. Так что выходи быстрее, иначе поднимусь, вышибу дверь и украду тебя у твоей милой старушки. Пардон, злобного дракона. Пардон, пожилой женщины.

Счастливо засмеялась, а сердце вдруг сжала необъяснимая тоска. Он со мной просто в сказочку играет, но ведь когда-нибудь наступит реальность. И буду ли я нужна Игорю Богданову в реальности – большой-большой вопрос.

– Спускайся. – Игорь добавил в голос сексуальной хрипотцы.

И словно горячий толчок внутри живота.

– Уже бегу, – с придыханием, жарким обещанием отозвалась я.

Даже не бегу – как бабочка порхаю, да прямо в огонь.

Только в малюсеньком темном коридоре ненадолго притормозила, чтобы посмотретья в зеркало. Распустила стянутые резинкой волосы, моя гордость – темные локоны рассыпались по плечам, придавая облику, с одной стороны, более женственный, с другой стороны, более игривый вид.

Прошлась по губам помадой, щеки сами по себе горели румянцем, а глаза влажно блестели. Влюбленность красит всех людей без исключения. Сейчас во мне даже можно не просто хорошенькую девушку рассмотреть, а найти черты

роковой красоти, в которую и принцу не зазорно влюбиться.

Игорь Богданов, одетый в молочного цвета брюки и белоснежную футболку поло, стоял, облокотившись на капот белого сверкающего коня, в руках еще одна огромная корзина цветов, а на губах обворожительная улыбочка в 32 карата. Неужели эта смесь Креза и Аполлона именно меня ожидает? Миленькую, местами симпатичную, но совершенно простую учительницу?

Подошла ближе, заглянула в лучащиеся весельем и теплотой карие глаза. Внутри вакханалия опьяненных шампанским бабочек. Ноги от его великолепия подкашивались, того и гляди как перед божеством упаду на колени.

– Привет, Золушка, – чувственно протянул Игорь и облил жарким взглядом мои подрагивающие в радостно-нервной улыбке губы.

Точно, упаду. Держите меня семеро.

Нужно сказать какую-то гадость, чтобы на фоне этого великолепия и своих восхищенных реакций почувствовать себя личностью. Но губы разучились говорить гадости, они счастливо распахнулись и произнесли на выдохе, выдавая с головой все мои чувства:

– Здравствуй, Игорь.

Богданов просиял еще сильнее. Определил корзину с цветами на капот белого коня, а руками сграбастал мою талию и подтащил поближе к себе. На лицах проходящих мимо двух

девчушек-подростков из соседнего подъезда смесь любопытства, восхищения и зависти. А из окошка нашу встречу наверхья наблюдает Вера Ильинична и еще половина двора женщин пожилого возраста, и не только пожилого. Я стала местной знаменитостью – простой девушкой, умудрившейся заарканить самого красивого из самых богатых парней города.

– Как я соскучился, милая. – По губам прошелся мужской палец.

«Сейчас он меня поцелует», – обожгла голову мысль, и следом мужские губы накрыли дурманящим жаром мои губы. Обхватив широкие плечи, почти повисла на Богданове, потому что кости расплавились и ноги превратились в веревочные тряпочки. А девчонки продолжали пялиться, жадно вбирая глазами эстетику нашего поцелуя. Боже мой, как я понимала этих девчонок, сама себе сейчас завидую. Мужские пальцы запутались в моих волосах, властно удерживая голову в удобном для поцелуев положении, а требовательные губы продолжили мучить жаром мой рот. Нагло, беспардонно, до головокружения сладко и до ватных коленок горячо. И только продолжающееся завистливое девичье лицезрение привело в чувство.

Уперлась рукам в богатырские плечи.

– Игорь, подожди, – мой шепот снова потонул в обжигающем мужском поцелуе. – Пожалуйста, не на виду. О нас и так уже весь двор судачит. – И дабы привести принца в чувство,

без всякой почтительности двинула ступней по его великолепно-конечности.

– Черт, – простонал Богданов, но, почувствовав еще один удар моей балетки о свои крутые кроссовки, чуточку ослабил хватку, перестал целоваться и, упершись своим лбом в мой лоб, тяжело задышал.

– Ничего, я подожду, – уговаривал он сам себя. – Зато на все выходные ты моя.

Его, целиком и полностью.

На мужских губах снова расцвела блистательная улыбка.

– По коням, Золушка.

– По коням, – засмеялась я, так и не решившись, за исключением удара балетки, дерзить.

А дальше была длинная дорога, наполненная теплыми, иногда очень горячими взглядами, случайными, колющими приятными иголками прикосновениями, радующая глаза прекрасными летними пейзажами и красивой улыбкой моего принца.

– С чего начнем? – спросил Богданов, когда мы приехали на памятную базу отдыха холдинга «Родные просторы».

– Думаю, перво-наперво нужно разобрать вещи.

– Не-а, вещи потом. Все это лабуда, предлагаю начать с другого. – Опять подушечка большого пальца правой руки смяла мои губы, а потом красивая черноволосая голова стала медленно приближаться.

И хотя здесь не было любопытных глаз: домик-беседка

стоял в отдалении от других, я воспротивилась. Не хочу, чтобы Богданов воспринимал меня исключительно как девочку для постели. Я личность, причем местами очень вредная. Не позволила ему себя поцеловать, нашла в себе силы оттолкнуть этого сильно зарвавшегося и очень озабоченного принца. Отскочила от его тела строптивой козой, да прямо за ствол дерева.

– Сначала нужно разобрать вещи, – настаивала я и даже строго пальчиком пригрозила.

Училка, что с меня возьмешь.

Большая разгоряченная махина, словно огромная хищная птица, сразу же ринулась следом. Пришлось скакать к следующему дереву.

– Правильно, Золушка, и я о том же, но для начала надо одежду хорошенько разбросать, желательно по всему номеру. Если бы ты знала, как я люблю аккуратных девочек, – плотоядном серым волком облизнулся Богданов и сделал резкий бросок вперед.

Взвизгнула, когда мужская рука коснулась моего локтя, но успела увернуться, отскочить к следующему дереву. Так просто Богданов меня не получит, не зря же он меня упрямой козой называет.

– Ваше сиятельство, давайте сначала поужинаем. Я очень голодна.

Богданов, раскинув руки для захвата, шел прямо на дерево, за которым пыталась спрятаться я.

Конечно, итог нашего противостояния заранее определен, разве мне справиться с такой возбужденной громадиной, но этот самодовольный кот еще побеждает за мышкой.

– Дашенька, для хорошего аппетита сначала нужно основательно, с помощью интенсивных физических нагрузок, проголодаться.

Заверещала на весь лесок, ведь Богданов резким прыжком вперед предпринял еще одну интенсивную агрессивно-сексуальную атаку. Теперь он схватил меня за руку. Резко дернулась и смогла отскочить, а потом и спрятаться за очередной березкой. Впрочем, возможно, Богданов специально отпустил: что греха таить, его, как и меня, возбуждала эта игра в догонялки.

– Здесь очень красивый вид – может, сначала на лодочке покатаемся? – проблеяла я из-за очередного дерева.

– Я тебя сейчас так покатаю, раскатаю, голова будет кружиться, – жарко пообещал Игорь и снова бросился вперед.

Мне опять пришлось уворачиваться от мужских загибающих рук.

– Сейчас такая великолепная погода, давай погуляем, – выдвинула еще одно, вполне разумное и заманчивое предложение.

На мужских губах опять появилась плотоядная улыбка голодного волка.

– Ты от меня и так почти целую неделю гуляла с какими-то старушками.

– Весьма милыми пожилыми женщинами, – вредничала я.

– Весьма милыми пожилыми женщинами. – Резкий бросок вперед.

– И-и-и!

Цап, как бы я ни пряталась за березками, как бы ни скакала строптивой козой, Богданов поймал, зацепил за руку, потянул в стреляющийся мелкими электрическими зарядами капкан своих объятий. Горячие губы заскользили по моим губам, обжигающие пальцы прошлись по бедрам вверх.

Пожалуй, мне придется позорно капитулировать... Внизу живота скакали раскаленные мячики и разрастался горячий пульсирующий узел.

– А что, если я не согласна с этими планами?

– Потом... – снова покушался Игорь на мои губы.

– Что потом?

– Потом будешь не согласна, завтра, нет, послезавтра. Сейчас нельзя, запрещаю.

Как же принцы любят командовать. Внутри появились отголоски моего фирменного упрямства, но под атакой горячих губ они стали стремительно истончаться и таять. Богданов совершенно подавил мою волю. Думает, раз он прекрасный, великолепно целующийся принц, значит, с моим мнением можно не считаться. И тогда не знаю, как это случилось, с ума сошла видимо, с катушек съехала, но я опять его укусила. Сильно! Больно! Боюсь, что до крови. Чем вызвала бурные матерные завывания из совершенного мужского рта.

– Золушка, какого лешего ты опять строишь из себя недо-
трогу?!

В карих глазах уже не было озорства и летней теплоты, они полыхали недовольством. Его Восхитительное Сиятельство разгневалось.

– Я же сказала, что есть хочу.

– Беги, Золушка, беги... – предупредил Богданов. – Мой голод сильнее.

В мужских глазах притаился готовый к охоте хищник.

Несмотря на понимание: проиграю, что есть мочи победжала. Всегда была упрямеццей. Улепетывала со всех ног, а сзади чувствовала хищный полет ястреба. Уже не пряталась, играючи, за деревьями, стремительно убегала, пытаюсь что-то доказать, а быть может, хотела продолжения этой сводящей с ума игры в кошки-мышки.

В какой-то момент не выдержала, обернулась посмотреть, где находится мой личный хищник. Рядом, в нескольких шагах. Красив как бог. Невольно залюбовалась, мгновенно потеряв ориентацию. Налетела плечом на дерево, благо стукнулась не больно, и снова оказалась в жарких объятиях директора по инновациям холдинга «Родные просторы».

– Попалась, которая кусалась, – весело объявил Игорь.

Шумно дышащий Богданов прижал меня к дереву, навалился сверху, обхватил стреляющими мелкими зарядами электричества руками. Узел внизу живота стал еще сильнее завязываться, развязываться, закручиваться раскаленными

пружинами и требовательно пульсировать. Кости словно растворились в обжигающей кислоте желания. Чтобы удержаться, обхватила своими руками мужскую шею и, удобнее подстраиваясь под мужской напор, распахнула приглашающее губы. Только Игорь не спешил воспользоваться приглашением, смотрел на меня прожигающим взглядом, словно навсегда пытаюсь запечатлеть в подкорке головного мозга. Прошелся подушечкой большого пальца по моим подрагивающим в желании еще одного поцелуя губам.

– Балдею от твоих губ. Аленький цветочек просто.

Узел сексуального напряжения в животе завязался еще ту же.

Солнце, зелень, темные волосы принца, его красивое лицо – все смешалось в глазах, создавая новый мир, где не было привычных вещей и не было никого живого, кроме нас двоих, горящих страстью.

– И-и-и!!

Мир продолжил вертеться, но теперь уже и в реальности. Этот невозможный принц Богданов, совершенно нагло забросил свою покоренную добычу на плечо и, несмотря на мое недовольно-счастливое визжание, удары по широченым плечам, понес меня в наш памятный домик, где одна полностью стеклянная стена открывала красивейший вид на лесное озеро.

Игорь бросил меня на широченную кровать. Я устала кричать, злиться и смеяться, горячо, предвкушая дальнейшую

атаку хищника, смотрела на приближающегося в лучах заходящего солнца мужчину. Игорь не подвел, навалился сверху, такой горячий и сильный, полонил мои руки, приподнимая вверх, настойчиво атаковал своей горячей твердостью, вовлекая в горячее безумие из стонов, тяжелого дыхания и влажных звуков страсти. Я была на все согласна, податливая и отзывчивая, а он требовательный, опытный и ненасытный. Это была какая-то фантастическая вакханалия без ненужных запретов и уж тем более стеснений.

Потом, откинувшись на влажные простыни, мы долго лежали, обнявшись, любуясь прекрасным вечерним пейзажем на озере.

– Золушка, ты голодная?

Нет, сейчас в моем теле было столько много насыщения страсти, что голода совсем не ощущалось, хотя ела я последний раз часов шесть назад.

Потерлась носом о грудь Богданова.

– Я, кажется, наелась твоими поцелуями.

Игорь засмеялся, с любованием заглянул мне в лицо.

– Некоторая дама совсем недавно, примерно часик тому назад, утверждала, ножками топала, что она ужасно хочет есть, раскладывать вещи и кататься на лодочке.

– Твой голод оказался сильнее, а потом мне тоже понравился вкус, точнее, я вошла во вкус. Кроме того, разве мне нельзя немного покапризничать?

– Капризничают принцессы, золушки должны быть милы-

ми и послушными.

Показала ему язык. Ох, дождется, сейчас опять укушу этого невозможного бахвала.

– Значит, тебе досталась неправильная Золушка.

– Самая упрямая Золушка в мире, – ласково шептал Игорь.

– Сам виноват, как дикарь на меня набросился и сразу потащил в пещеру. Может, я тоже хочу себя почувствовать капризной принцессой.

Довольно улыбающийся Богданов мило поцеловал меня в нос.

– Прости, теперь можешь капризничать сколько угодно.

– Тогда ты сам разбираешь все вещи, причем и свои, и мои.

– Какое ужасное наказание, – продолжал веселиться Игорь. – Только не говори, что ужин мне тоже нужно самому готовить?

Изобразила на своем лице задумчивость, словно уже придумывала, какие рецепты ему следует воплотить в реальность. Директор по инновациям холдинга «Родные просторы» скривил свою блистательную физиономию. Ясно, что готовить ему за всю свою жизнь приходилось не часто. Скорее даже никогда.

– Боюсь, то, что приготовит ваше сиятельство, невозможно будет съесть, а уж тем более переварить.

Игорь снова зарокотал тихим смехом.

– Ты права. – Легкий поцелуй в мои слегла припухшие губы. – Давай лучше это дело доверим профессионалам.

Обнаженный великолепный Игорь с грацией прирожденного лидера хищников потянулся за телефоном.

– Алло, Виктор, распорядись нам ужин подать.

Видимо, загадочный Виктор начал расспрашивать о наших предпочтениях, но принц не стал продолжать разговор:

– По своему вкусу, самое лучшее – главное, чтобы быстро приготовили.

– Только вещи ты все равно распаковываешь сам, – продолжила капризничать я, когда Игорь закончил разговор.

– А чем будет заниматься в это время Золушка? – улыбаясь, спрашивал Богданов.

– Я буду лениво лежать в постельке и смотреть, как принцы работают. Такую картину ведь не часто можно видеть.

– Пойдет... – засмеялся директор по инновациям холдинга «Родные просторы» и, натянув на себя спортивные штаны, принялся за дело. – Так-так, воспользуемся предоставленным случаем и посмотрим, что ты взяла из белья.

Все самое лучшее... А также специально купленный по этому случаю новый беленький комплект. Правда, он, снятый в порыве страсти мужской недрогнувшей рукой, сейчас валяется непонятно где на полу. Надеюсь, тут тщательно убирают, белые вещи такие маркие.

Щеки ярко вспыхнули унижительной стыдливостью понимания, что удивить или очаровать принца своим бельем я

вряд ли смогу. Все более чем скромное и бюджетное, даже низкобюджетное.

– Только попробуй, – пискнула я.

Быстрый прищуренный взгляд в мою сторону.

– Обязательно посмотри, – плотоядно улыбнулся Богданов, – но лучше на тебе. – Еще и подмигнул, паршивец такой.

Богданов справился быстро: мы не брали много вещей, ехали ведь всего на два дня. Потом, еще раз чмокнув меня в губы, Игорь принялся создавать в номере красоту. Принес корзину цветов из машины и, снова окуная нас в сказку, зажег бесчисленное множество свечей.

А я действительно лениво лежала в постели и любовалась, как старается принц, не смея до конца поверить, что этот великолепный мужчина мой. Может, мне просто сон прекрасный снится? Боже, я не хочу, я так боюсь проснуться.

Вскоре принесли ужин. Чего тут только не было, Виктор, не зная, как угодить хозяину, расстарался. И нежнейшая телятина с грибами, и семга под сливочным соусом, салат цезарь с креветками, еще какой-то салат с рукколой, посыпанный сверху кедровыми орешками, просто свежие овощи, нарезка изысканных сыров, нарезка тающей во рту вкуснейшей рыбы, а еще свежие фрукты, маленькие пирожные и дорожущее, приятное для языка шампанское. Все-таки быть богатой временами очень приятно.

Одеться мне Богданов не разрешил, пришлось ужинать укутавшись в простыню. А потом мы парились в бане и пры-

гали гольшом в озеро. Необыкновенное единение с природой, красотой и этим мужчиной. Необыкновенное счастье и сказка, случившаяся со мной наяву. Боже, не дай мне проснуться.

Глава 5

Просыпаться в постели с миленькой Золушкой одно сплошное удовольствие. Она такая ладненькая и красивая, миленькая и сладенькая девочка, а сейчас, с распущенными темными волосами, совсем не похожа на строгую училку, скорее, серо-зеленоглазую русалку напоминает, только, слава богу, без хвоста. Причем даже утром, даже без грамма косметики очень красивая. И после вчерашней баньки с купанием гольшом в озере совсем позабыла о смущении. Лежит обнаженная и прекрасная рядом со мной, не пытаюсь каждую секунду прикрыться. Податливая и послушная, гни ее в любую сторону. И колючки, готовые каждую секунду уколоть, больше не торчат. Мне удалось их пригладить.

Да, поутру Даша Мельникова просто милашка, очень естественная и какая-то по-домашнему уютная. Не выдержал, снова начал покушаться на аленький цветочек девичьих губ. Но ива в моих руках вдруг заупрямилась.

– Богданов, ты обещал покатать меня на лодочке.

Ах, лодочка, какая может быть лодочка, когда от ощущений девушки в моих объятьях сносит крышу и по хребту идут мелкие разряды тока.

– Потом, – лишь отмахнулся я, заскользив ладонями по статуэточному телу.

– Когда потом? – тут же последовал вопрос и легкий ты-

чок женского кулака по моим ребрам. – Ты же не думаешь еще один день провести в постели?

– Почему бы и нет, – прошептал я, наваливаясь сверху на свою девочку, укрощая тонкие запястья своими пальцами, целуя ее бархатистую кожу и раздвигая коленкой ноги.

– Вот же вредный принц, – пыталась вырваться Золушка. Пожалуй, по поводу приглашенных колючек было немного самонадеянно с моей стороны.

– Ты обещал покатать меня на лодочке. Значит, мне нельзя верить твоим обещаниям? Значит, для вашего высочества значение имеют только его физиологические хотелки, а на мои желания плевать. – Девичий голос дрогнул от обиды.

Ох, Богданов, ты иногда как слон в посудной лавке. Но, блин, Дашенька такая соблазнительная по утрам, что невозможно удержаться от различных приятных для тела интимностей.

Прижал свой палец к пухлым девичьим губам.

– Тсс, все, не ругайся, милая. Немного увлекся, просто ты такая сладкая. А мужчины уж так устроены природой, по утрам особенно озабоченные. Прости, не хотел тебя обидеть, будет тебе лодочка и завтрак, а потом можно устроить конную прогулку.

– Конную прогулку... – Девичье лицо вспыхнуло заинтересованностью и даже восторгом.

– Да. Ты когда-нибудь каталась на коняшках?

– Давно, еще в детстве, тогда мы гуляли всей семьей в об-

ластном парке. Сначала маленький кружок, потом родители расщедрились на большой круг. До сих помню, что лошадку звали Сивка-Бурка.

– Вот, а сегодня ты сможешь нарезать сколько угодно больших кругов.

– Какая красота, – улыбалась Золушка. – Чувствую себя так, словно у меня день рожденья и ко мне «прилетел вдруг волшебник в голубом вертолете».

– Да, – довольно ухмыльнулся, – в свободное от работы время я иногда подрабатываю волшебником. Люблю баловать маленьких послушных девочек. А вчера ночью ты была послушной.

– Бахвал! – Снова маленький, но острый кулачок Золушки ткнулся в мои ребра.

Постарался успокоить свои беснующиеся мужские инстинкты легким чмоком в девичий нос. Вдох, выдох, успокойся, Богданов, и так целую ночь девочку таранил, гнул, как тебе хотелось. Сейчас наступило время не бахвалиться обещаниями, а побыть для Золушки немного голубым вертолетом, точнее, волшебником.

Неохотно переместился с девичьего тела на белоснежное белье кровати.

– Дашунь, ну чего ты разлеглась. Сама же хотела на лодочке кататься. Надо быстро одеваться, чтобы успеть, пока солнце не очень высоко, насладиться прокатом. Иначе мы рискуем сильно обгореть, и окружающие подумают, что нам

очень стыдно за те вещи, которые мы с тобой проделывали вчера ночью.

Показывая пример, подскочил с кровати и принялся одеваться.

– Не думала, что ваше сиятельство способно стыдиться.

Ну, почему же, в последнее время некоторые поступки моих родственников вызывают во мне стыдливые угрызения совести. Да и я не всегда поступал красиво.

– Стыдно, у кого видно, а я уже успел натянуть штаны.

Даше Мельниковой тоже пришлось натягивать белую футболку и весьма симпатичные шорты, в которых она смотрелась очень аппетитно, несмотря на целомудренную, почти до колен, длину штанин.

Капли воды в лучах утреннего солнца срывались с веселенькими брильянтовыми брызгами. Золушка задумчиво водила по воде своими тонкими пальчиками. Голубое небо, сочная зелень, зеркальная гладь воды, загадочно мерцающая своими глубинами, красивая, кажущаяся родной девушка, сидящая напротив. Внутри что-то ёкало, млело и разливалось теплотой.

– Дашунь, расскажи мне о своей маме?

– Маме?! – растерянно моргнула Золушка, не ожидавшая такого вопроса. Серые глаза с зелеными искрами испуганно округлились, а по лицу словно болезненная судорога прошла.

Н-да, у девочки явная психологическая проблема.

– Да, о маме. Хочу знать, какой она была. Мне кажется, что ты до пор не можешь отпустить ситуацию, в итоге у тебя внутри постоянная боль.

Сейчас у нее глаза олененка Бэмби. В них одновременно испуг, тоска и мука.

– О любимых людях надо говорить, вспоминать, даже если их нет рядом с нами.

– Н-надо, – голос Золушки дрогнул, – но ты прав, мне до сих пор больно, что мама погибла. Мне ее очень не хватает. Очень... – Ярко-зеленые сейчас глаза наполнились влагой, стали еще больше и выразительней.

Бедная моя сиротка. Очень хотелось обнять ее, такую рас-терянную, ранимую и одинокую. Но весла, будь они нелад-ны...

– Это, видимо, потому, что ты потеряла маму в результате трагедии. Расскажи, какой она была?

– Мама, – голос Даши Мельников продолжал дребез-жать, – она была необыкновенной женщиной. Светлой, лю-бящей, очень доброй. Представляешь, я не помню ни одного случая, чтобы она на меня кричала.

– Разве можно на такую миленькую девочку кричать. Ду-маю, ты была очень послушной в детстве.

– Была, но все равно, как и все дети, шалила, капризничала, проявляла эгоизм. На тот момент я ведь являлась един-ственным и любимым ребенком в семье. Только мама не ру-галась, не злилась, даже не раздражалась особо. Удивитель-

но, но нам всегда было интересно вместе. Мама для меня была не только заботливой родительницей, но и лучшей подругой, я ей все свои тайны доверяла. Да что там, она была моей вселенной, и в ней меня любили, холили и лелеяли.

– И как же наказывали маленькую, в целом послушную, но иногда ужасно упрямую Дашу? – улыбаясь, спросил я.

– Для меня самым страшным наказанием было, когда мама со мной не разговаривала.

– А меня обычно наказывали какими-то ужасными лишениями.

– Ужасными? – вопросительно подняла бровки Даша.

– Да, ужасными. Лишали компьютера, телефона, прогулок с друзьями, картинга и, о ужас, самое страшное, кусочка бисквитного пирога нашей экономки.

– Какие жестокосердные родители, – смеялась Золушка.

А у меня от тихого перезвона ее смеха, теплоты в серых глазах снова внутри бешено вращались лопасти влюбленности.

– О да, я очень страдал. – Даже на миг оставил весла и дурашливо схватился за сердце.

Даша Мельникова снова засмеялась. Такая естественная сейчас, открытая и очень-очень симпатичная. Жаль, фотоаппарат с собой не взял, чтобы запечатлеть красавицу на века вечные.

– Ты похожа на маму? Она была такой же красавицей?

– Все говорят, что очень похожа. И конечно, для меня ма-

ма была красивейшей женщиной на свете. Намного симпатичнее всех признанных голливудских красоток. Она многим нравилась, мужчины вслед оборачивались. Хотя одевалась мама всегда неброско, скромно, она ведь учительница, да и в поселке, не то что в городе, не принято выделяться и слишком сильно наряжаться. А какие она рассказывала сказки, Шахерезада отдыхает, дети – и не только они – слушали разинув рты, а я пыжилась от гордости, что это моя мама.

Пожалуй, теперь нужно приступить к самому интересному, узнать, что Золушка знает о смерти самой дорогой для себя женщины. Сердце тревожно забилося в груди, а лопасти перехватили воздух в легких.

– Расскажи мне, как погибла твоя мама?

От моего простого прямого вопроса Золушка вздрогнула, снова испуганно захлопала вмиг увлажнившимися глазами, невольно показывая ржавую пружину боли, сидящую внутри.

– Ты же знаешь, ее сбил черный БМВ.

Черный БМВ моего отца. По спине прошелся неприятный холодок.

– Как это произошло?

– Мама возвращалась домой от тети Тани, подруги своей. Она недалеко живет, на соседней улице. Было темно, а водитель на черном БМВ очень куда-то спешил, почти в три раза превысил предельно допустимую в населенном пункте скорость. Мы с ней разговаривали в тот момент, когда про-

изошла авария, я до сих пор по ночам слышу ее крик, потом визг шин об асфальт – и молчание, зловещее молчание. Мама больше не отвечала...

– Девочка моя, – сдавленно прошептал я, а сердце сжималось от жалости и боли.

По девичьим щекам, уже не таясь, катились слезы. Золушка всхлипнула и продолжила:

– Я выбежала на улицу в пижаме, босиком, а на асфальте мама вся переломанная лежит. Знаешь, она лежала с открытыми глазами, но они были мертвые, пустые, смотрели в небо и не двигались. Я так кричала тогда, даже голос сорвала, цеплялась за маму, целовала, будто мои поцелуи могли ее оживить, даже не давала медикам забрать тело.

Боже, какую жуткую картину она нарисовала. Невольно вздрогнул.

Слезы еще сильнее побежали по девичьим щекам, на красивом лице, одновременно уродуя и возвышая, застыло страдание.

Мои глаза тоже невольно наполнились слезами, хотя я уже забыл, когда плакал последний раз. Бедная девочка, что ей пришлось пережить по вине моего отца. Теперь понятен этот дикий страх перед черными БМВ, теперь понятно, почему малейшее упоминание о матери вызывает такую острую реакцию.

– Надеюсь, водителя строго наказали? – спросил я, на всякий случай опустив глаза.

Аленький цветочек девичьих губ горько скривился.

– Нет, всего три года колонии поселения... За автомобильные аварии даже со смертельным исходом у нас не наказывают строго. Кроме того, в суде всякую ересь стали нести, будто мама пьяная была. Хотя выпили они с тетей Таней всего по бокалу вина. Но это даже не самое страшное...

– А что самое страшное? – Снова впился глазами в красивое, одухотворенное страданиями девичье лицо.

– То, что обвинен по этому делу был совсем другой человек.

– Как такое возможно?! – Надеюсь, в голосе прозвучало искреннее удивление.

– Водитель скрылся с места происшествия, и, судя по оставленному следу, пьян был он, а не моя мама. Но камер в том месте не было, свидетели, которые видели виновника, не стали ничего говорить. Человек, сбивший маму, какой-то бандит, он всех или купил, или запугал. Папа тоже не стал настаивать на провидении дополнительного расследования.

Мой отец, конечно, поступил как малодушный подлец в данной ситуации, но и папенька Золушки далеко не пример для подражания – продажная сволочь, предавшая память о любимой женщине.

– Ты знаешь имя человека, который был тогда за рулем? – продолжил задавать вопросы я.

Золушка тихонько всхлипнула.

– Нет, не знаю. Папа сказал: «Лучше не спрашивай. Это

очень опасный человек, я не хочу еще и за тебя бояться. У нас все равно не получится добиться справедливости».

– Ты бы хотела найти виновника той аварии? – мягко продолжил допрос.

– Найду, и что я буду делать? Как смогу его наказать? Уже столько лет прошло, – снова жалобно всхлипнула Даша Мельникова. – Нет ни одного доказательства. Мне остается только надеяться на судьбу, что она сама накажет этого человека, что мои слезы, мое загубленное детство сторицей к нему вернуться.

Судьба бывает довольно благосклонна к отдельным личностям. Отец живет вполне себе неплохо, более чем сыто, гордится собой. И, впрочем, при всей этой некрасивой ситуации, он ведь дельный, умный мужик, который очень много сделал для процветания нашего края и страны. И одновременно такая безусловная человеческая низость.

– Ну, можно плюнуть ему в лицо... – невесело пошутил я.

– Если судьба когда-нибудь сведет, непременно плюну, – грустно улыбнулась Золушка.

Сведет, уже свела, но бумеранг судьбы попал мне в руки.

– А может, лучше отпустить ситуацию? Простить виновника... Да, он поступил некрасиво, подло, но уверен, водитель, который был тогда за рулем, не хотел смерти твоей мамы.

– Что ты такое говоришь?! Простить! Никогда!.. – В серых глазах ярко блеснули зеленые лучики возмущения. – Про-

стить никогда не смогу. Пусть этому человеку, где бы он ни находился, будет плохо... И ему, и всей его семье.

Холодные иглы золушкиной ненависти прошили тело. Она проклинает отца, все мою семью, эта одинокая сероглазая девочка, у которой так мало было в жизни радости. Сама не зная, проклинает того, кого любит. Стало ужасно зябко, будто комок снега проглотил и он растекся холодной лужей по моим внутренностям. Мне нужно срочно согреться, иначе начну сейчас клацать зубами.

– Золушка, иди сюда. – Отбросив весла, приглашающее похлопал по своей груди.

Нестерпимо захотелось почувствовать ее в своих объятиях, погладить по темным волосам, ощутить свежий, чистый девичий запах. Подарить Даше Мельниковой ласку и в ответ, как залог прощения, тоже получить от нее порцию согревающей нежности.

– А лодка не перевернется, если я выполню этот сложный маневр? Иначе ваше сиятельство рискует серьезно подмочить свою репутацию.

Умилительная улыбка растянула губы, Золушка умеет поселить даже в самые, казалось бы, печальные моменты.

– Моя репутация и так со всех сторон подмоченная, купанием ее точно не испортишь. Перебирайся, если действовать осторожно, то ничего страшного не произойдет. Чтобы существенно изменить центр тяжести, ты слишком легкая.

А вот твое внутренне спокойствие, твоя безмятежность

могут навсегда измениться, если я скажу правду.

– Всего-то пятьдесят килограмм – бараний вес.

– Мне показалось или ты только что назвал меня овцой? – шутила Даша Мельникова.

– Показалось, – ухмыльнулся я, – ты упрямая коза.

– Ах так! А ты знаешь кто?!

– Весь внимание. – Моя улыбка стала еще шире, еще ослепительней.

– Лось! – торжественно объявила Золушка.

– Да ну, нет, рысак. – Даже приосанился, чтобы походить на благородного коня.

– Не-а, лось, – продолжала настаивать Даша Мельникова, – лось всемогущий. Помнишь, тебя так старуха Шапокляк назвала?

– Ладно, сдаюсь, если всемогущий, то согласен и лосем побыть... И лосю очень хочется почувствовать козочку в своих объятьях. Перебирайся ко мне. – Снова приглашающе похлопал ладонью по своей груди.

Казалось, если сейчас не прикоснусь к ней, задохнусь, покорежусь, словно дерево, давно не видевшее света.

Даша Мельникова плавно, с присущей врожденной грацией переползла на мою часть лодочки, устроилась между моих раздвинутых ног и доверчиво прижалась к груди. Обхватил своими лапами ее тонкую талию.

– Люблю тебя, – сами по себе шептали губы, более того, все мое нутро сейчас трепетало и умилялось чувствами

к этой ранимой девушке.

– Ваше сиятельство, я тебя тоже очень сильно люблю.

– Дашунь, давай без сиятельства, – хрипел я, жадно вдыхая свежий запах ее волос.

Она удобнее устроила голову на моей груди.

– Игорь, спасибо, с тобой я чувствую себя счастливой.

Знаешь, наверное, впервые после смерти мамы я стала радоваться жизни.

А у меня внутри происходили странные процессы, грудь теснила теплота, сердце влюбленно бабахало в груди праздничным барабаном, а спину кололи холодные иголки, потому что я ощущал себя таким же подлецом, как и мой папенька. Наверное, нужно рассказать Золушке правду, что я сын того малодушного злодея, который загубил ее счастливое детство, который предпочел откупиться, побоялся нести ответственность за свои поступки. Но я не мог, не находил в себе сил разрушить это впервые познанное после большого горя счастье и боялся потерять эту ставшую мне родной девочку.

Глава 6

Почему-то Его Великолепнейшее Сиятельство сегодня не звонит. Отец последнее время столько дел на Игоря нагрузил, постоянно по командировкам мотается, то в соседние области, то в столицу нашей родины, на строящийся сахарный завод так в обязательном порядке. Теперь нет нужды играть в игру Джейн Эйр и мистер Рочестер в период помолвки, нам просто некогда видеться. И я каждодневно мучаюсь страхом: вдруг в очередной такой командировке он найдет себя другую Золушку? Бедных красавиц ведь пруд пруди.

А во мне... Есть ли во мне что-то особенное, кроме вредности? Я даже под одной периной горошину не почувствую. Есть, успокаивала сама себя, я особенное эксклюзивное творение родителей и судьбы. Стойкая, в целом умная, вон принц хвалит мое чувство юмора, а еще добрая и по сравнению с другими девушками совсем немеркантильная. Конечно, одеваться красиво, веселиться, комфортно отдыхать, пользоваться другими благами мне тоже хочется, девушка ведь молодая. Но у меня есть принципы, и я не поступлюсь ими, погнавшись за длинным рублем. Еще в комплекте целая куча комплексов и страхов. Так что такую, как я, трудно найти, у других будет совершенно другой набор качеств, не факт, что хуже, но других.

Только когда я была уже дома, после ужина раздался зво-

нок мобильного телефона. Бегом бросилась из маленькой кухни в дюймовочкину спальню, где оставила телефон. Уф, невольно испытала разочарование: звонил не мой великолепный принц – отец наконец-то вспомнил, что у него есть родная дочь.

– Да, папа, я слушаю.

– Дочка, здравствуй. Как ты там?!

Вполне себе ничего, временами даже очень хорошо. Да что там говорить, никогда не чувствовала себя такой счастливой. Просто летаю от любви, с одного облака на другое, пузырьки шампанского в крови сделали меня совершенно невесомой.

Только от этого простого вопроса во рту словно горечь появилась, странно, что отец вообще этим интересуется.

– Все хорошо, папа.

Впрочем, скорее всего, вопрос «Как ты там?» – просто дань вежливости, вроде приветствия, а потом последует просьба занять (читай: «подарить») деньги на опохмелку.

– Дочь, чего домой уже больше месяца не приезжаешь?

Разве дома меня кто-то ждет? Мамину могилку только некому убирать. Но я не стала огорчать родителя таким ответом. Он все-таки мой отец и, возможно, хоть немного меня любит, просто страсть к горячительным напиткам оказалась сильнее всех других чувств и привязанностей.

– Вся в делах-заботах, некогда, пап.

– Ты у меня умница, дочка. Во всем на мамку свою похо-

жа, она такая же хорошая была.

Господи, Даш, ну сколько можно сопли распускать. Но упоминание о маме снова увлажнило мои глаза.

– Приезжай, дочка. Ты же помнишь, у меня именины в пятницу.

– Помню, папа, конечно помню.

Только, если честно, собиралась ограничиться телефонным поздравлением и денежным переводом маме, потому что перевод папе чреват затяжным запоем. А так мама хотя бы приготовит что-нибудь вкусное для отца.

– Мы тут хотели немного посидеть по-семейному.

В том доме давно нет моей семьи, только горькие воспоминания о маме и счастливых прошлых днях.

– Соскучился я, дочка. Наталья вон тоже в гости зовет. Какие-никакие, но мы ведь твои родственники. Ты знаешь, Дашенька, я за ум взялся, закодировался, теперь ни капли в рот не беру.

Сколько раз на моей памяти отец брался за ум, только ум этот оказывался очень коротким, один-два дня, максимум пара месяцев. Сначала я неистово боролась за папку с зеленым змием. Плакала, просила, кричала, прятала горячительные напитки, вытаскивала его из различных пьяных компаний. Однажды меня чуть не изнасиловали его пьяные дружки, не знаю, как удалось вырваться. После этого случая устала бороться, появился страх, я с удвоенной силой засела за учебники, мечтая побыстрее вырваться из этого замкнутого

круга житейской мерзости. Боялась, что он и меня засосет своей обыденной пошлостью и безнадегой.

– Правда, папа?! Это очень хорошо. Алкоголь большое зло.

– А у нас хорошие новости. Знаешь, Даш, мы машину купили, ремонт вот даже хотим в доме сделать.

Машину купили? Ремонт? Я не ослышалась?

– Пап, но откуда у вас появились деньги на такие большие траты?

– Не поверишь, дочь, я в лотерею выиграл. Почти случайно билет купил, а он вдруг счастливым оказался.

– Правда, папа?! – изумилась я.

– Да. Представляешь, как повезло?

– И много выиграл? – Вопрос вырвался сам собой. Что поделаться, всем людям свойственно любопытство.

– Наталья не велит болтать, вдруг кто позавидует. Но дочке как не сказать. Почти полтора миллиона выиграл.

– Ничего себе! – еще больше и громче изумилась я. – Какая удача! Но ведь ты еще с этой суммы налог должен заплатить. А он, насколько я знаю, очень большой.

– Это уже за вычетом налога сумма. Они выигрыш не дают, пока налог не заплатишь. Я решил, что такая удача – знак изменить свою жизнь. Закодировался. А на деньги мы Олегу машину купили, подержанную, но вполне хорошую. Я тоже хочу попытаться права восстановить. Еще Наталью с Сонькой кое-какой одежкой побаловал. На остальное вот ре-

монт небольшой планируем сделать.

Нет, я давно привыкла быть самостоятельной и не рассчитывать в денежном плане ни на отца, ни на мачеху, но все же обидно, что в этом перечне многочисленных трат ничего не нашлось для родной дочери. Хотя бы цветочек аленький подарил.

– Приезжай, дочка, посидим по-семейному.

А вдруг все-таки и для меня найдется цветочек аленький или какой другой сюрприз. Должен ведь папа помнить, что это я его родная дочь, а не Олег с Сонькой.

– Хорошо, папа, я приеду.

Родителей, как известно, не выбирают. И если отец зовет меня в гости, значит, действительно соскучился.

– Отлично, дочка, приезжай. Наталья и все остальные будут рады.

Вот в этом я очень сильно сомневалась. Не получалось у меня наладить отношения ни с мачехой, ни с другими сводными родственникам. Впрочем, возможно, моя вина в этом тоже присутствовала, я идеализировала маму и нашу прошлую семейную атмосферу, поэтому все другие мне казались просто недостойными. А люди все разные...

Богданов позвонил только в полдесятого вечера.

– Здравствуй, моя дорогая Золушка.

Боже, как приятно быть его, пузырьки шампанского снова атаковали кровь. Только бабаханье на заднем фоне музыки не дало им разгуляться. Кажется, Игорь совсем не скучно проводит время в командировке.

– Даш, ты меня слышишь?! – повысил голос Игорь.

– Слышу, ваше сиятельство, децибелы музыки вашему командирскому голосу совсем не страшны.

– Партнеры потащили меня в какой-то дурацкий клуб, а тут слишком громко.

Сердце с болезненной ревностью сжалось в груди, ладошки противно вспотели. В голове снова паническая мысль: «Вдруг принц найдет там другую Золушку или принцессу, в ночных клубах наверняка полным-полно принцесс». А я даже под одной периной горошину не почувствую.

– У вас там, наверное, весело, – уныло пролепетала я.

Язык почему-то не слушался. Соберись, тряпка! Если Игорь способен так быстро увлечься другой Золушкой-принцессой, то зачем тебе сдался такой ветреный принц?

– Нет, ужасно скучно, – сексуально рокотал в трубку Богданов. – Ужасно соскучился по своей девочке.

Пузырьки шампанского в крови разом подпрыгнули вверх. Возликовала: значит, даже в окружении веселых, наверняка выпивающих партнеров, многочисленных, исходя из моего бурного воображения, золушек и принцесс Игорь помнит о своей скромной учительнице.

– Ты скоро приедешь? – с придыханием спрашивала я, потому что тоже очень сильно соскучилась по своему сиятельному принцу.

– Завтра еще на завод. Нужно проконтролировать строительство, боюсь, вернусь только в субботу утром. И снова заберу тебя из дюймовочкиной комнаты злого дракона Веры Ильиничны.

– Ваше сиятельство, грех называть весьма милую пожилую женщину драконом.

– Прости меня грешного. Но иногда мне хочется дать ей денег, чтобы она выставила тебя вон. Вдруг тогда бы ты согласилась ко мне переехать.

– Только попробуй, лось всемогущий.

– И тогда я увижу, как упрямая коза умеет бодаться, – веселился в трубке мобильного телефона Богданов.

– Бодаться и кусаться, – улыбалась я, – а еще превращаться в беснующуюся ведьму.

– Очень заманчиво звучит, – не отреагировал на мои угрозы Игорь. – Всегда мечтал полонить ведьму.

– А вообще, знаешь, хорошо, что ты приезжаешь только в субботу, поскольку в пятницу я собираюсь домой съездить.

– Куда домой? – моментально напрягся Богданов.

– В поселок Великомихайловский, где я родилась и жила почти до совершеннолетия.

– Зачем тебе это? – В сиятельном голосе явное раздражение. – Насколько я понял, тебя там не сильно-то и ждут. Злая

мачеха, завистливая сестра и отец алкоголик.

Хотя слова Игоря были на сто процентов правдивы, сама совсем недавно так думала, внутри всколыхнулось возмущение, а может, обида за своих непутевых недостойных родственников. Это как с Родиной: сами мы можем сколько угодно критиковать и говорить, как у нас все плохо, но стоит кому-то из иностранцев сказать что-то унижительное про Россию, мы сразу вспоминаем, какая у нас великая страна.

– Ах, простите, ваше сиятельство, но не у всех отцы олигархи.

– Олигархи тоже бывают подлецами, – глухо сказал Игорь.

– Ты намекаешь, что мой папа подлец? – завелась еще сильнее я.

На каком основании Богданов, совершенно не зная моего отца, бросается такими обвинениями. Нет, папа, конечно, не всегда поступал красиво, но это из-за слабости, а не из-за подлости.

– Во-первых, я говорил об олигархах, ты сама мои слова решила приложить к своему отцу, причем наверняка не просто так, значит, у тебя есть основания думать о родителе плохо. А во-вторых, я решительно против того, чтобы ты ехала домой. – В мужском голосе появились твердые командные нотки директора по инновациям холдинга «Родные просторы».

Против он... Какое Игорь имеет право быть против? И почему включает в разговор со мной командные нотки? Мы

довольно недолгое время встречаемся, а Богданов уже пытается указывать, что мне следует делать, а что нет. Горячее упрямство побежало по жилам. Больше я не позволю никому собой командовать.

– Родителей не выбирают, – повторила Игорю всем известную истину. – Какая ни есть, это моя семья. Поэтому, ваше сиятельство, идите на фиг со своими запретами.

– Даш, будь, пожалуйста, благоразумной, – продолжал меня убеждать Богданов. – Если родственники только расстраивают, зачем лишний раз рвать себе душу? Я еще помню, как ты жалостливо рыдала в моих объятьях после разговора со злобной сводной сестрой. Нет, мне, конечно, понравилось тебя утешать, но всех таких любителей поиграть на нервах нужно посылать лесом. Даже если они родственники.

– Как у тебя все просто, Игорь! А если твой отец или мама заболеют и своим болезненным видом или разговорами будут тебя огорчать, ты их тоже лесом пошлешь?

– Ну, это совсем другое дело, – сразу же отреагировал Богданов.

– Почему другое?! – горячилась я.

– Потому что мои родители меня любят, а твои родственники...

– Папа тоже меня любит! – убеждала даже не Богданова, саму себя. – И у него в пятницу день рождения. Как любой человек, он хочет, чтобы в этот день его окружали родные люди. Разве я могу не поехать?!

– Свободно можешь не поехать. Откуда эта непонятная жертвенность? Никто из твоих родственников ее не оценит. Даш, скажи, твой отец что-нибудь сделал для тебя хорошее? Если не считать весьма приятного для него участия в процессе твоего создания. Ты сама училась, работала. Насколько я знаю, деньгами тебе родные люди не помогали.

Откуда Игорь знает такие подробности моей жизни?! Ах да, у них в холдинге очень хорошая служба безопасности.

– Ты все меряешь деньгами, – продолжала злиться я.

– Хорошо, давай не будем брать денежный вопрос. Отец хотя бы раз стал на твою защиту, когда мачеха тебя трети- ровала? Только честно мне ответь! – Опять эти командные нотки в голосе.

Ответить было нечего... Папа предпочитал не замечать «ссоры», которые происходили дома. Иногда был слишком пьян, а чаще просто не видел в этом необходимости, считая, что бабы всегда ругаются и сами между собой разберутся. Но я была маленькой девочкой, а не матерой скандальной бабой.

– Игорь, он мой отец, и я его люблю. Кроме того, еще помню его хорошего, когда мама была жива. Ее смерть папу сильно подкосила. Он сломался. Отец болен, у меня не получилось его вылечить. Была молода, была одна, была бедна, потом предпочла сбежать... Но он моя единственная семья.

– Ах ты ж боже мой, – продолжал нервничать Богданов, – Золушка, ты любого разжалобишь. Вылечить можно толь-

ко тех, кто хочет лечиться. Мне категорически не нравится, когда тебя расстраивают. Тебе очень идет улыбаться, на одной щечке появляется такая симпатична ямочка. – Эту фразу Игорь произнес с теплотой. – Даш, я, конечно, не могу запретить тебе поезду домой, потому что далеко, был бы в городе, запер где-нибудь, фиг бы ты от меня убежала, вредная упрямая коза. Но прошу тебя, Золушка, не позволяй себя расстраивать. Иначе я приеду, всем надаю по шапке, а тебя стану безбожно щекотать, чтобы ты смеялась.

– Хорошо, ваше сиятельство, буду всех иголками остро-словия тыкать.

– Нет, иголки только мои.

– Не жадничайте, ваше сиятельство, на вас иголок тоже хватит.

Глава 7

Что удивительно, во дворе дома было убрано, мачеха расстаралась перед папиными именинами. Еще бы, столько денег выиграл, можно немного порадовать человека. Я купила папе красивую классическую рубашку голубого цвета. Простенько, но со вкусом. Про одежду для мачехи и Соньки отец сказал, а про обновки для себя почему-то не обмолвился. Скорее всего, ему из этих денег мало что досталось, Наталья Васильевна очень хваткая женщина.

Зашла в дом. В комнатах сегодня тоже прибрано. Сердце сжалось в груди, сейчас в доме так много вещей, которые были еще при маме, но после ремонта большинство из них выбросят. Мачехе наверняка захочется чего-нибудь более нового и современного.

В гостиной стоял уже разложенный стол. Он был куплен еще до моего рождения, очень удобный для приема гостей и не занимающий много места в сложенном состоянии, стол-книжка. Из кухни раздавались вкусные запахи, а поскольку я давно не ела, рот мгновенно наполнился слюной. Пахло домом, настоящим домом. На миг вдруг представилось, что на кухне над плитой колдует мама, она очень вкусно готовила. Впрочем, я наверняка снова идеализирую. Казалось, все, что делала мама, получалось в превосходной степени и другие люди, даже при всем старании, повторить были не в силах.

Нет, на кухне воровала Наталья Васильевна, а Сонька с папой резали салаты. Порадовалась: отец выглядел трезвым, был причесан, побрит и даже вполне прилично одет в джинсы и чистую футболку. Только одежда была словно с чужого плеча, видимо Олеговы вещи донашивает.

– Добрый день! – весело и доброжелательно произнесла я.

– О, дочка приехала, – просиял отец.

– Добрый, добрый, – произнесла мачеха и поджала губы. – Давно не появлялась, совсем дорогу домой забыла.

Очень хотелось тяжело вздохнуть. Нет, от этой женщины я никогда не дождусь теплоты. Ласку и теплоту мачеха проявляла лишь к своему ненаглядному сыночку Олежке, даже к Соньке она была по большей части равнодушна.

Не стала обращать внимания на столь холодное приветствие. Этой стандартной фразой мачеха меня уже на протяжении пяти лет встречала. А если я, наоборот, приезжала каждую неделю, то Наталья Васильевна ворчала, что житья от меня нет. Ей невозможно угодить.

– С днем рожденья, папа! – Подошла к отцу, обняла и расцеловала в щеки.

От родителя не разлило, как обычно, перегаром, а приятно пахло одеколоном.

– Желаю прежде всего здоровья и побольше радости в жизни. Пусть удача продолжает тебе во всем сопутствовать. Только, пап, всегда помни: «На бога надейся, а сам не плошай». – И преподнесла свой скромный подарок.

– Да уж, сплошные радости, – едко вставила мачеха.

Папа достал подарок из пакета.

– Спасибо, дочка, очень красивая рубашка.

Любопытная мачеха отошла от плиты, взяла подарок из рук отца, надменно повертела со стороны в сторону и снова поджала губы. Ну ни малейшего такта у человека, только желание задеть. Наверное, я зря приехала, зря пытаюсь искать семью и дом там, где их в помине нет. Но так больно чувствовать себя одинокой, никому не нужной сироткой.

– Скромненько как-то. Сонька сказала, что у тебя миллионер в кавалерах ходит.

Ну конечно, ждать, что сводная сестра промолчит о Богданове, было бы глупо.

Может, сказать, что это рубашка известного итальянского бренда и стоит целую кучу денег? Мачеха вряд ли разбирается в брендах.

– Предпочитаю тратить свои деньги. – Я правильная девочка, учительница, лгать не привыкла.

– Ну-ну, – пренебрежительно произнесла Наталья Васильевна, – а по твоей сумочке не скажешь, явно не на зарплату учительницы куплена.

Поторопилась, похоже, в брендах мачеха все-таки разбирается. Господи, до чего меркантильная и скандальная женщина. Который раз задалась вопросом, как папа мог на ней жениться? Злобный дракон – а на деле милейшая пожилая женщина – Вера Ильинична, несмотря на ворчание, дала мне

намного больше теплоты, чем мачеха за все мои годы, прожитые в отчем доме.

– Папа сказал, что в лотерею выиграл, – попыталась я переменить тему.

– Выиграл, выиграл. Хоть немного обустроимся. Сонька, хлеб еще нужно порезать.

– Давайте я чем-нибудь помогу.

– Потратить выигрыш? – с ехидцей спросила мачеха, совершенно неправильно поняв мои слова.

– Я имела в виду подготовку к застолью. – В моем голосе арктический холод.

Нет, это уже переходит все возможные границы. В самом деле, уже ведь не маленькая девочка, сколько можно терпеть эти совершенно необоснованные издевки. Игорь был совершенно прав, моей жертвы здесь никто не оценит.

– Послушайте Наталья Васильевна, я приехала, потому что папа пригласил меня на свой день рождения. И конечно, мне, как близкому человеку, радостно, что отец выиграл такую сумму денег, но поверьте, я абсолютно на них не претендую. Не нужно обвинять меня в меркантильности, за все годы обучения я у вас ни копейки не взяла.

– Но и в дом ничего не привозила, – парировала мачеха.

– Привозила, я никогда не приезжала с пустыми руками. Всегда с гостинцами. Пусть небольшими, но все же. – Стало обидно, даже слезы выступили на глазах. Все-таки позволила себя расстроить. – Вижу, здесь мне совсем не рады – и

никогда не были рады.

Развернулась к отцу.

– Папа, еще раз поздравляю тебя с днем рождения, но, пожалуй, я поеду.

Повернулась к выходу.

– Ну что ты, дочка, останься, – нерешительно проблеял отец.

И за эту нерешительность я его всей душой сейчас презирала. Как ни горько сознавать, но мой отец не мужик, а просто половая тряпка.

– Мам, ну что ты, в самом деле. Разве нужен Дашке этот выигрыш, если у нее такой жених, – неожиданно заступилась за меня Сонька. – Ты иногда ведешь себя совершенно сволочным образом.

– Наташ, правда, давайте по-семейному посидим, – просящее вставил отец, – без всякой ругани.

– Ой, ну ладно, пошутить уже нельзя, – удивительно, но пошла на попятный мачеха. – Все такие нежные стали, лишнего слова не скажи, сразу обиды.

Нерешительно застыла в дверях, не зная, как поступить.

– Пойдите стол с Сонькой накройте, – как ни в чем не бывало отдала распоряжение мачеха.

– Оставайся, дочка, – жалостливо попросил отец, видя мои колебания.

Очень хотелось развернуться и уехать. Но папин жалостливый взгляд... Кроме того, отец, можно считать, впервые за

меня заступился, пусть просяще, жалко, но ведь заступился.

– Пойдем, – встала со стула сводная сестра, – накроем на стол. Научи меня красиво салфетки сворачивать.

– Только стаканы и тарелки нужно от пыли протереть, – напутствовала мачеха.

Мы с Соней прошли с гостиную, накрыли стол скатертью. Судя по девственно-белому цвету, совсем новой, недавно купленной. Сводная сестра стала доставать из шкафчиков стенки посуду. Тарелки были еще мамины, точнее родительские, их коллектив Великомихайловского отделения «Родных просторов» подарил родителям на свадьбу. Мама пользовалась ими только по праздникам и всегда вспоминала «Родные просторы» добрым словом.

– Даш, знаешь, я хотела перед тобой извиниться.

– Извиниться? – невольно удивилась я.

И было отчего: в прошлом ни мачеха, ни Сонька никогда не утруждали себя извинениями.

– Да. За свое ужасное поведение тогда во дворе дома, где ты снимаешь квартиру. Я вела себя очень некрасиво. Оскорбляла тебя, гадости говорила. Не знаю, что на меня нашло.

Я знаю... Зависть нашла, застила глаза и душу плен захватила. Я ведь помню, как сводная сестра, смотря репортаж, облизывалась на Богданова и говорила о нем словно о высшем существе. Наверно, неприятно знать, что твое божество встречается со сводной сестрой. Но вслух не стала озвучи-

вать свою мысль. Хорошо, что сестра поняла низость своего поведения и вообще умеет и готова извиняться. Значит, еще не все потеряно.

– Мы все-таки сестры, – продолжала каяться Сонька, – а я такого наговорила тебя, да еще при Богданове.

– Ничего, Сонь, давай забудем.

– Давай забудем, – просияла сводная сестра. – Знаешь, Даш, мне очень одиноко, и подруг совсем нет. Я некрасивая, – Соня тяжело вздохнула, невыразительные, излишне накрашенные глаза наполнились слезами, – никто не хочет со мной дружить.

Нет, здесь не только в некрасивости дело, просто Сонька унаследовала склочный характер мачехи и переняла ее манеру поведения. Но Наталья Васильевна Соньку тоже не баловала общением и лаской. Между ними никогда не было той близости и теплоты, как у меня с мамой. Ее любимчик – Олежка, это с него мачеха пылинки сдувала. Олежке то, Олежке это... Как мне рассказывала одна сплетница из поселка, Олега мачеха родила от своего любимого мужчины, который бросил ее, узнав о беременности, а потом она, будучи беременной, вышла замуж за человека намного старше себя, толстого и некрасивого. Сонька была от мужа.

– Может, сходим куда-нибудь вместе повеселиться? – вдруг предложила сводная сестра.

Это предложение еще больше изумило. Мы никогда не поддерживали с ней сестринских отношений. Сонька посто-

янно ябедничала и врала мачехе, списывая на мой счет свои прегрешения. Я и молоко проливала, и вещи всякие ломала, а еще постоянно еду таскала из холодильника. Если честно, идти куда бы то ни было с Сонькой совершенно не хотелось. И вообще, для меня все веселье сейчас заключалось в Богданове. Жила от одной встречи до другой. Но я добрая душа, мне стало жаль сводную сестру. Наверное, трудно жить такой некрасивой, да еще не любимой матерью.

– Повеселиться – это как? – натянута произнесла я.

Мы совершенно разные с Сонькой, и наверняка нас веселят совершенно разные вещи. Кроме того, такое непонятное превращение из завистливой сводной сестры в хорошую вызывало недоверие. Хочет через меня подобраться к Богданову? Тут без вариантов, Игорь на нее даже не посмотрит. Я до сих пор не верю, что такой мужчина встречается со мной, а с Сонькой он может быть разве что по принуждению. Или думает в будущем, если наши с ним отношения сложатся, выпросить какие-то привилегии – допустим, работу в «Родных просторах». Очень подозрительно она себя ведет.

– Сходим куда-нибудь вместе? – повторила сводная.

– Не знаю даже.

Сказать решительное «нет» так и не смогла.

Соня, совсем как до этого мачеха, поджала губы. Обиделась?! Ладно, Даш, что ты, в самом деле, надо давать людям шанс.

– Сонь, если хочешь, можно пойти в театр... Билеты не

так уж и дорого стоят. Я подберу интересную пьесу и поговорю с Верой Ильиничной, чтобы она разрешила тебе переночевать.

– Театр, – кисло скривилась Соня, – я под весельем понимала другое. Ну, там, выпить немного и потанцевать.

– Нет, выпивка и танцы не для меня.

– Ой, Даш, не включай, пожалуйста, строгую учительницу. Я же не предлагаю напиться в хлам – так, по чуть-чуть для поднятия настроения. Можно подумать, ты никогда не пила.

Пила, но не больше двух с половиной коктейлей. Причем даже после этого количества, как показала практика, вела себя не очень адекватно.

– Нет, Сонь, извини, меня не интересует такой досуг.

На миг лицо сводной сестры сковала раздражительная, даже злобная гримаса. По спине побежал холодок. И без того не слишком привлекательное девичье лицо стало еще более некрасивым. Я слышала, за глаза сводную сестру зовут жабой. Вот сейчас она действительно походила на какую-то отвратительную жабу. Не знаю, зачем Сонька извинялась, но точно не из-за участия и сестринской любви ко мне.

– О, кого я вижу, – в комнату зашел сводный брат, – Дашка красивая мордашка приехала.

– Привет, – кисло скривилась я и сосредоточилась на расстановке тарелок по праздничному столу.

От приближения Олега, его глумливой улыбочки и слов

меня невольно внутренне передернуло. Мне он тоже кажется жабой. Хотя, в отличие от Соньки, сводный брат симпатичный, даже красивый парень. Русоволосый, зеленоглазый, до Богданова далеко, но в целом с хорошей мужской фигурой. И возможно, его порочная улыбка вкупе с наглым раздевающим взглядом казались многим представительницам противоположного пола привлекательными. Сколько себя помню, на нем всегда девки гроздьями висли. Во мне же сводный брат всегда вызывал плохо контролируемую неприязнь. Даже от его взгляда хотелось помыться.

Олег учился весьма посредственно, читать не любил, работал обыкновенным водителем, но преподносил себя так, словно он министр транспорта, не меньше, и сам глава государства у него каждодневно совета спрашивает. По части самоуверенности Олег даже с Богдановым мог поспорить. Только я совершенно не видела оснований для такого высокого мнения о своей персоне.

– Все хорошеешь, Дашка!

Обернулась и прямо задохнулась от раздражения: оказывается, сводный брат подошел почти вплотную ко мне.

– Помочь, сестренка? – И всегдашняя гадливая улыбочка.

– Ну что ты, Олежка, это ведь не мужская работа, пойдиди лучше на диванчике полежи.

Сонька фыркнула.

– Язва, – с намеком на сексуальность прошептал сводный брат и тронул пальцами мой локон.

Меня снова прошило неприязнью. Казалось, все, до чего дотрагивались руки этого самовлюбленного болвана, становилось липким, грязным и дурно пахнущим. Чтобы сдержаться, не наговорить кучу гадостей или, не дай бог, не стукнуть по наглой мужской морде, резво расставляя тарелки, прошла вперед.

– Придумала, – вдруг воскликнула Сонька.

– Что придумала? – была рада переключить разговор я.

– Придумала компромисс, куда мы сможем с тобой пойти, – загадочно произнесла Сонька и, словно торжествующе, улыбнулась. Бедненькая, даже с улыбкой на лице все равно жаба. – Ни тебе, ни мне, можно сходить в кино.

Глава 8

Удивительно, но семейный ужин прошел вполне спокойно. Папа держался молодцом, пил только минералку, мачеха – наверное, потому, что пришли соседи, – практически не отпускала беспардонных замечаний, старалась казаться веселой хлебосольной хозяйкой. Получалось так себе, но соседи тоже были знакомы с ее своеобразным характером. На лице Соньки весь вечер играла загадочная полуулыбка, словно она знала какой-то очень важный секрет. Может, влюбилась в кого. Или в нее кто-то влюбился.

Олег посидел немного и ушел. Как просветила мачеха, с прошлой своей девушкой, которая в последний мой визит была беременна, он разошелся. Наталья Васильевна пренебрежительно сказала, дескать, та нагуляла ребенка непонятно от кого и хотела повесить его на Олега. Что-то мне подсказывало, это не девушка непонятно от кого нагуляла, а ненаглядный Олежка еще не нагулялся и не хочет нести ответственность за свои гулянки. Бедный ребенок, еще до рождения никому не нужен. Теперь сводный лоботряс завел себе новую пассию. Надеюсь, эта новая девушка будет более осмотрительной и не станет полагаться в вопросах контрацепции на мужчин.

После ухода сводного брата, когда часы показывали восемь часов, тоже засобиралась ехать в город. Такси вызывать

до поселка Великомихайловский было дорого, автобусы в такое время уже не ходили, но живущий через три дома дядя Коля иногда подрабатывал извозом.

– Даш, что ты такое придумала? Куда собралась на ночь глядя?! Завтра поедешь, – стала активно отговаривать меня Сонька, когда я, встав из-за стола, озвучила свои планы. – А сегодня дома останься ночевать, в моей комнате можно диван разложить. Дядя Коляка, старый хрыч, дерет такие деньги за поездку, не хуже таксистов. А утром тебя Олег может отвести.

Вот уж не надо такой радости. Куда приятнее и безопаснее общественный транспорт. Бедненькая Сонька, наверное, ей совсем одиноко, так старается со мной подружиться.

– Конечно, оставайся, – поддержал сводную сестру отец, – это же твой дом, тут тебе всегда рады.

Только радость это своеобразная, в большинстве своем в виде упреков и претензий выражается.

– Чего на ночь глядя ехать, – продолжил папа. – А Коляка совсем бессовестный, пользуется тем, что автобусы редко ходят, цены загибает.

И снова я растерялась, не зная, как лучше поступить. Моим домом уже давно стала дюймовочкина комната в квартире Веры Ильиничны. А этот дом ассоциировался у меня одновременно с большим счастьем и большой бедой. Но я часто по нему скучала, ведь тут очень много вещей, купленных еще при маме. И здесь целый пласт воспоминаний. Надо бу-

дем поговорить с папой и Натальей Васильевной: если они после ремонта соберутся выбросить какие-то мамины вещи, может, я заберу их себе. Все, чего касались мамины руки, казалось для меня священным.

– Уехать она надумала, – недовольно заворчала мачеха, – а мне посуду самой мыть?! И еду готовь, и посуду мой. А они посидят, как принцессы, поумничают и в город укатят.

– Оставайся, дочка, – жалостливо попросил папа, – посуду сможешь убрать, Наталья правда устала с этим днем рождения, а потом давай с тобой старые фотоальбомы посмотрим.

Трезвому отцу отказать не смогла. Ничего страшного не случится, если я останусь до утра, а потом с первым автобусом покачу в город. Игорь вряд ли приедет раньше меня, он, как и большинство мужчин, любит поспать.

После того как гости ушли, занялась посудой. Удивительно, если не обращать внимания и не отвечать на беспардонные замечания да постоянные мачехины придирки, с ней вполне можно ужиться. Ну, такой она человек, ей обязательно нужно полаять, гадость какую-нибудь сказать. В детстве, особенно после смерти мамы, которая была практически полной противоположностью Наталье Васильевне, ее постоянные нападки воспринималось острее. Сейчас, видимо, стала мудрее, а может, выпитое вино действовало умиротворяюще, сейчас мне просто было ее жаль. Это же ужасно – всю свою жизнь прожить в постоянном недовольстве, во всех людях (ну, кроме Олежки, разумеется) видеть, выискивать

не их хорошие черты, а плохие.

С Сонькой мы даже мило побеседовали перед сном, она показала мне обновки, которые купил ей папа на выигрыш. Блестящий золотистый пуховик с шикарным натуральным мехом на капюшоне. По мне, слишком много блеска, тем более мода на сверкающие ткани в одежде вроде бы пошла на убыль. Мне, если честно, в пуховике понравился только песцовый воротник. Но Сонька сияла довольной улыбкой, было видно, что о подобном блеске она давно мечтала. Бедненькая, ее тоже было жаль, даже вся в золоте она все равно казалась жабой. Но свое мнение и свою жалость не стала озвучивать, лишь тактично сказала, что пуховик очень симпатичный и выглядит богато.

А потом зазвонил мой телефон. И хотя мы с Богдановым переписывались во время ужина, Игорь решил, что ему непременно перед сном нужно услышать мой голос. Жаркая волна радости хлынула к лицу, и, несмотря на то что за праздничным ужином я пила исключительно вино, в крови появились пузырьки шампанского. Только говорить с принцем при Соне было неудобно, не хотелось, чтобы она стала свидетелем нашего обмена любезностями с Богдановым, боялась вызывать в ней зависть.

Удивительно, но Сонька, как и мачеха не отличавшаяся тактом, правильно поняла мое смущение.

– Я пойду, поговорите спокойно, тем более мне кое-что нужно подготовить. – Глаза сводной опять сверкнули таин-

ственным, словно торжествующим блеском.

Надо бы спросить, к чему она так усиленно готовится?

– Привет! – раздался в трубке мобильного телефона голос моего принца.

Сегодня он был почему-то грустно-лаконичен и не дурачился как обычно.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, чем обязана вашему звонку, – постаралась вернуть наш обычный сказочный настрой. Не хочу грусти.

– Вот же коза рогатая, просил же без сиятельства.

– Рогатая?! – выхватила слово я. – Неужели за время своего отсутствия вы уже успели наставить мне рогов.

Игорь Богданов весело засмеялся.

– Если смеешься, значит, не чувствуешь своей вины. А это, в свою очередь, может означать, что либо ты совсем бессовестный, либо в изменах не был замечен.

– Никаких измен, детектив Золушка, в моих мыслях только ты.

– Правда?! – наигранно грозно спрашивала я.

– Конечно, Дашка-милашка, только тебя люблю...

Бум-с, приятно взорвалось шампанское внутри живота, и пенные пузырьки побежали впрыскивать в кровь радость. Какая я счастливица, меня, скромную учительницу Дашу

Мельникову, любит настоящий принц.

– Теперь очередь за тобой. Ну-ка, признавайся, Золушка, а ты мне случайно рогов не наставила? – В голосе Игоря звучали чуть снисходительные нотки, на самом деле он не верил в возможность того, что ему великолепному могут изменить.

Захотелось немного сбить спесь с этого всемогущего лося.

– Игорь, как на духу, изменить успела, но всего разок, так что не олень ты, а единорог.

Игорь сначала весело заржал, но потом, поняв смысл шутки, которую я озвучила, споткнулся в полусмехе.

– Правда?!

– Нет, конечно, пошутила. Нечего задавать такие глупые вопросы. Я, вообще-то, порядочная девушка.

– Насколько я помню, ты первая стала задавать глупые вопросы.

В моем случае глупые вопросы – это сидящие внутри меня постоянные страхи.

– Ты уже приехала домой? – спросил Игорь.

Ой, последний раз, когда я ему писала в WhatsApp, указала, что скоро выеду.

– Я еще дома.

– Не понял? – устало спрашивал Игорь, видимо у него сегодня был очень тяжелый день.

– Я решила сэкономить деньги и подольше погостить в родном доме.

– Что за странная экономия?! Неужели у тебя не хватает

денег на такси? – В мужском голосе явное недовольство.

Если честно, то не хватает, это для Богданова поездка на такси сушая мелочь, а для меня – существенные траты из моего скромного учительского бюджета.

Игорь правильно понял мое молчание.

– Если не хватает, то почему не написала мне?! – Недовольства в голосе добавилось.

Потому что я не хочу выглядеть меркантильной, потому что мама учила быть скромной и гордой.

– Игорь, это все-таки мой дом, место, где я родилась, где жила и была счастлива моя мама.

– Золушка, – грозно начал принц, – я просто зверею от мысли, что кто-то может тебя обидеть. Мне еще помнится сцена с твоей сводной сестрой во дворе дома, где ты снимаешь комнату. У нее взгляд маньячки, ей богу. Эта жаба подыхает от зависти.

– Игорь, ты зря переживаешь, со сводной сестрой мы помирились, Соня вообще сегодня очень милая, попросила у меня прощения, сказала, что ей очень стыдно за свое тогдашнее поведение. А папа, знаешь, он закодировался и теперь не употребляет спиртное. Правда, не уверена, что его надолго хватит, он уже несколько раз кодировался, – высказала свои опасения я. – Но папа целый вечер стойко себя вел, пил только минералку.

Отчитываюсь перед ним словно нерадивая служанка перед строгим господином.

– А еще представляешь, папа в лотерею выиграл большие деньги. Хотя для тебя они, наверное, не очень большие, но в рамках поселка Великомихайловский довольно приличные.

Ой, наверно, не надо было о выигрыше говорить. Но так хотелось показать этому современному принцу, что у меня не такая уж пропащая семья. Временами я очень боялась, что Игорь вспомнит пословицу «Яблочко от яблоньки недалеко падает» и начнет выискивать во мне какие-то изъяны.

– В лотерею, значит, выиграл, – вроде бы удивился Богданов, но голос был мрачный. Словно ему не понравился этот вполне счастливый, во всяком случае для нашей семьи, во всяком случае для отдельных ее членов, факт. – Да твой папа просто везунчик.

Почему Игорь говорит с иронией?!

– Д-да, – голос задрожал, – представляешь, какая удача.

– Представляю. И сколько из этого выигрыша досталось тебе?

Не в бровь, а в глаз. Обмануть Игоря сказками о счастливой семье не получилось. Он умный мужчина, удачливый бизнесмен, видит самую суть вопроса.

– Да мне ничего не надо.

Подумаешь, я свою дешманскую куртку уже третий год ношу, и сапоги вот-вот развалятся. У меня есть главное: любовь настоящего принца и тридцати учеников гимназии номер семь. Я никогда не была такой счастливой.

– Ясно, – ответил Игорь.

Мне тоже стало ясно, что Богданов никогда не изменит мнение о моей семье.

– Да что ты распереживался, Игорь? – примирительно начала я. – Что со мной может случиться? Тем более выходить из дома я никуда не собираюсь.

– Ладно, Дашунь, ложись спать, – сейчас принц говорил очень ласково, – утро вечера мудренее. Я буду думать о своей Золушке и поэтому непременно тебе приснюсь.

– Обещаешь? – полушутя-полусерьезно спрашивала я.

– Обещаю. – Теперь в голосе Богданова появилось так нравившееся мне рокотание влюбленного кота. Вношу поправочку: льва. На меньшее бы принц не согласился. – Обещаю, приснюсь и буду целовать свою девочку, долго-долго, горячо-горячо, сладко-сладко.

Жаба внутри Соньки просто раздувалась от гордости и важности, она такую шутку придумала. Зануда Дашка обхочется, точнее, обрыдается. Так ей и надо, красавице чертовой. Губы у нее, видите ли, как аленький цветочек и вся она такая стройненькая и ладненькая. Ничего, Дашенька, скоро ты на себе почувствуешь правоту пословицы «Не родись красивой». Зануда чертова.

– Меня не интересует такой досуг, – злобно шипела в темноту Сонька, повторяя, вспоминая и еще больше злясь на

слова сводной сестры.

Опять умняшку из себя корчит. Каждой фразой из своего аленького цветочка подчеркивает превосходство. Сука редкостная.

А потом расщедрилась: «Если хочешь, можно пойти в театр... Билеты не так уж и дорого стоят. Я подберу интересную пьесу и поговорю с Верой Ильиничной, чтобы она разрешила тебе переночевать». Пусть сама идет в свой скучный театр, смотрит на пафосные кривляния взрослых дяденек и тетенок.

– Я для тебя, сестренка, придумала другой театр, очень трогательный, даже драматичный. Прости, систер, – издевательски хохотнула Соня, – но тебе придется поплакать.

Потом полноватая девушка стала кому-то звонить.

– Алло, ты же меня не подведешь.

– Нет, конечно, скоро буду. Разве я могу пропустить такую шутку.

Жаба внутри полноватой блондинки снова радостно подпрыгнула, она так долго мечтала сделать Дашке по-настоящему взрослую гадость. Сколько дней лежала по ночам, сочиняя, как можно отомстить сестрице за ее неземную красоту. Больше всего ей нравилась мысль о кислоте, стереть словно ластиком прелесть девичьего лица. Одно останавливало: в тюрьме гнить не хотелось. Но вот теперь представилась возможность пусть не физически, а морально уничтожить сводную сестрицу. Дашенька будет так сильно рыдать

бедненькая, все глаза выплачет.

– Даша Мельникова, видишь, я тебе приснился.

Игорь Богданов в великолепном темном костюме с галстуком сидел на уголке разложенного дивана, где на ночь расположилась я. Какой выпендренчик, даже в сон притащился при всем своем великолепии, разделся, словно на бал собрался. А я в смешной, еще своей детской, изрядно поношенной пижаме с мишкой на пузе.

Мог бы, допустим, присниться в простом спортивном костюме, или в шортах, или... Нет, голым, пожалуй, не надо, обнаженным Игорь выглядит еще более великолепным, чем в костюме. Не принцем, а самым настоящим богом.

– Даже во сне от вашего сиятельства не спрячешься, – недовольно бурчала я, хотя сама готова была пищать от счастья.

Но, играя роль недовольной особы, в сон которой без ее ведома пробрался ужасный нахал, накрылась с головой простынкой, используемой в летнюю жару в качестве одеяла.

– Не спрячешься, я где угодно тебя найду и буду целовать.

Простынка поползла вниз... Являя для моего взора наглые каре-зеленые глаза и блистательную улыбку на порочных мужских губах, а для его взора – мою довольную физиономию, святящуюся счастьем.

– Иди сюда, малышка, – зазывным шепотом позвал Богданов.

Конечно, его низкий голос отозвался во мне горячим толчком, который потом рассыпался целой стаей трепещущих бабочек.

Идти к нему не стала, вредная я, подождала, когда он сам подойдет. Хотя «подойдет» не совсем правильное слово, принц предпочел прилечь на меня сверху. Огромный, здоровенный, колющийся электрическими зарядами, очень горящий на ощупь и безумно приятно пахнущий лось.

– Сладкая моя девочка... – шептали греховные мужские губы совсем рядом с моим открытым в попытке вдохнуть ртом.

Потянулась к нему как к солнцу.

Мужской язык жадно раздвинул створки моих зубов, настойчивый рот всасывающее заскользил сначала по одной губе, потом по другой. А требовательные пальцы заскользили по бедрам. Обхватила мужскую шею руками, полностью отдаваясь магии поцелуя, желая еще большего количества пьянящих пузырьков шампанского в крови и порхающих бабочек внутри живота.

– А ты сладкая, Дашка красивая мордашка.

Дашка красивая мордашка...

Мужская рука жадно легла на мою грудь. Что-то было не так, неправильно! В крови стали стремительно лопаться пузырьки шампанского. Красивой мордашкой принц никогда

меня не называл... Я для него Золушка, милашка, строптивая коза... Но совсем недавно я слышала такое обращение по отношению к себе.

Чужие пальцы больно сдавили грудь.

Это мне сон такой страшный приснился?! Но разве во сне чувствуют боль?! Во сне или наяву, но стала отчаянно вырываться. Двинула что есть силы кулаком. Кажется, попала, чей-то мужской голос выругался матом...

– Ты что, совсем сдурела?!

Черт, это сводный брат навалился на меня сверху. В свете ночника прекрасно видно его красивое, до тошноты противное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.